

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет политологии

Кафедра политических институтов и

прикладных политических исследований

**Выпускная квалификационная работа
(БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)**

НА ТЕМУ: «Особенности медиадискурса международных политических
конфликтов (2001 – 2015 годы)»

По основной образовательной программе высшего образования бакалавриата
«Политология» по направлению 030200 «Политология»

Студента:

Коробейниковой Юлии Игоревны

Рецензент

Сергей Алексеевич

Доктор полит. наук., профессор

Научный руководитель **Ланцов**

Негров Евгений Олегович

к.п.н., доцент

наличие неправомерных заимствований (%) _____

Санкт-Петербург

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Политический медиадискурс: теоретико-методологический анализ.....	7
1.1. Политический дискурс в процессе институционализации политической науки: проблемы изучения и тенденции развития.....	7
1.2. Теоретико-методологические основания исследования политического медиадискурса.....	19
Глава 2. Международный политический конфликт: теоретико-методологическое исследование.....	26
2.1. Информационно-психологическая война как форма международных политических конфликтов.....	26
2.2. Средства и методы ведения информационно-психологической войны.....	38
Глава 3. Информационные стратегии участников международных политических конфликтов	51
3.1. Номинация сторон международных политических конфликтов.....	51
3.2. Стратегии участников политических конфликтов.....	69
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	71
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	73

ВВЕДЕНИЕ

Международные конфликты начала XXI века обнажили новую роль СМИ в обществе, роль дискурса в политическом противостоянии. Неограниченные возможности языка стирают какие бы то ни было границы в процессе освещения действительности, построении версий и формировании общественного мнения. Отношение аудитории к участникам конфликта формируется на основании информации, которая быстрее всего становится общедоступной.

Как известно, средства массовой информации использовались государствами в период международных политических конфликтов в качестве инструмента влияния на своих противников еще с начала XX века. Так в рамках Первой Мировой Войны странами организовывались целые министерства, департаменты и подразделения, занимающиеся «войной слов». Перед пропагандистскими изданиями ставились задачи от конверсии ценностных ориентаций населения до раскола рядов стран-союзников.

Стоит отметить, что если ранее информационно-психологическое воздействие было дополнением к активным боевым действиям, то в условиях современного медиатизированного общества характер транслируемой информации стал превалирующим фактором способным управлять ходом самого конфликта и его общественным восприятием.

Таким образом, с помощью манипулирования в условиях международного конфликта стало возможным влияние на военно-политическое превосходство и лидерство стран на международной арене, изменение информационной картины общества и трансформация как политического и экономического, так и социально-культурного международного пространства.

Объект исследования – медиадискурс международных политических конфликтов.

Предмет исследования – стратегии стран, используемые в процессе освещения политического конфликта.

Цель выпускной квалификационной работы – на основании дискурс-анализа СМИ различных стран, рассмотреть особенности медиадискурса на международной арене в условиях политического конфликта.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие **задачи**:

- Классифицировать основные теории политического дискурса;
- Зафиксировать место медиадискурса;
- Выделить формы международного информационного противостояния, средства и методы его ведения;
- Проанализировать позиции стран отраженные в международном медиа-пространстве;
- Смоделировать стратегии стран, используемые для освещения политического конфликта.

Необходимо понимать, что для исследования международного политического медиадискурса недостаточно использование структурного или лингвостилистического анализа, так как будучи сложным коммуникативным явлением, дискурс охватывает как социальный контекст, так и стратегии участников конфликта.

Таким образом, **теоретическими материалами исследования** послужили работы из сфер информационной безопасности, манипулирования общественным сознанием, дискурса и медиадискурса.

Фундаментальной базой развития теории политического дискурса и медиадискурса послужили работы Лазарсфельда П., Лассуэлла Г., Шеннона К., Уивера У., Грамши А., Альтюссера А.¹

---

¹Lazarsfeld P.F. On Social Research and its Language. - Chicago, 1993; Lasswell H. Propaganda Technique in the World War. - London, 1927; Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Издательство иностранной литературы, 1963; Shannon K., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. Urbana, Univ. of Illinois Pr., 1949; Грамши А. Тюремные тетради. Том 1. М.: Политиздат, 1991; Альтюссер Л. П. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) [Электронный ресурс] / пер. с фр. С. Б. Рындина // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77).
Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html>

В сфере информационной безопасности теоретической базой исследования послужили работы Мельникова М., Грачева Г. В., Мельник И. К., Дугина А. Г., Манойло А. В., Либки М. С., Дарчевской И.²

Согласно психологическому воздействию информационной войны на общество были изучены публикации Панарина И. Н., Расторгуева С. П., Почепцова Г. Г.³

Так как борьба за средства и каналы влияния на массы становится доминантой политики, к проблеме манипулирования обращаются политологи, социологи, психологи и философы.

Структурные компоненты управления и манипулирования общественным сознанием разрабатывали: Ирхин Ю., Ковлер А., Терин В., Крылов И., Кара-Мурза С., Пленков О., Ноэль-Нойман Э., Б. Брюс, О'Доннел и другие⁴.

Также значительный интерес по данной проблематике представляют труды представителей отечественной политологической науки, таких как Г. Дилигенский, Г. Грачев Е., Доценко, Д. Ольшанский, А. Соловьев⁵.

Специфика политической манипуляции является предметом изучения В. Авченко, А. Цуладзе⁶.

² Мельников М. Прикладная конфликтология для журналистов. – М.: Права человека, 2006.; Мельник И. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. – М., 2002; Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. М.: МИФИ, 2003.; Либки, М.С. What is Informational Warfare?/Либки М.С. – Вашингтон: Библиотека Конгресса. 1995.; Darczewska Jolanta. The Anatomy of Russian Information Warfare. The Crimean Operation. A case study. Warsaw, number 42. May 2014. Centre for Eastern Studies.

³ Панарин И., Информационная глобальная война II – Война против России. URL: http://propagandahistory.ru/books/Igor-Panarin_SMI--propaganda-i-informatsionnye-voyny/26; Расторгуев С.П. «Информационная война». – М.: Радио и связь, 1999; Почепцов Г.Г. «Информационные войны». – М.: Рефл-бук, - К.: Ваклер, 2000.

⁴ Ирхин Ю., Шарый В. Актуальные проблемы политологии и политической психологии. М., 1994; Ковлер А. Основы политического маркетинга. М., 1993; Терин В. Массовая коммуникация: Социокультурные аспекты политического воздействия Исследование опыта Запада. –М., 1999; Крылов И. Теория и практика рекламы в России. –М., 1996; Московичи С. Век толп. М., 1996; Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытые спирали молчания. –М., 1996; Пленков О. Мифы нации против мифов демократии. СПб., 1997; Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. –М., 2003; Bruce B. Images of power. How the image makers shape our leaders. –London, 1992, Jowett G. O'Donnell. Propaganda and persuasion. –Newbury Park, 1992

⁵ Дилигенский Г. Социально-политическая психология. М., 1994; Грачев Г., Доценко Е. Психология манипулирования: феномены, механизмы и защита. СПб., 2004; Ольшанский Д. Основы политической психологии. –Екатеринбург, 2001; Кошелюк М. Технологии политических выборов. -2-е изд., перераб. И доп. – СПб., 2004; Соловьев А. Политология: Политическая теория, политические технологии. –М., 2000

⁶ Авченко В.О. Теория и практика политических манипуляций в современной России. - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psyfactor.org/polman.htm> , Цуладзе. А. Политические манипуляции, или Покорение толпы. -

Исследование СМИ как инструмента политической манипуляции можно встретить в трудах С.С. Маркова и В. Третьякова, М.М. Назарова, И.И. Засурского, Б.Н. Лозовского⁷.

Основным **методом** исследования является дискурс-анализ медиаконтента, отобранного в соответствии с целями и задачами исследования.

Эмпирическим материалом данной работы послужили публикации крупнейших официальных изданий России, США и Израиля в интернет-пространстве в период грузино-осетинского и сирийского конфликта. Анализируемые издания: «The New York Times», «The Washington Post», «Российская Газета», «Haaretz», «Newsru.co.il», «Интернет-проект «ИноСМИ.RU». Подобный выбор стран и изданий был продиктован необходимостью изучить официальный политический медиадискурс негативного, позитивного и нейтрального толка для сравнения стратегий участников международных политических конфликтов.

Временные рамки исследования грузино-осетинского конфликта были обозначены с 08.08.2008 г. по 12.08.2008 г., которые охватывают период активных боевых действий на территории конфликта. Для исследования медиадискурса сирийского конфликта временной промежуток был ограничен с 28.09.2015 г. по 05.10.2015 г., основными событиями которого стало начало военных действий России на территории Сирии.

Практическая значимость исследования заключается в возможности дальнейшего использования результата анализа данных для дальнейших исследований феномена информационной агрессии.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, каждая из которых включает в себя 2 параграфа, заключения и списка использованной литературы.

Глава 1. Политический медиадискурс: теоретико-методологический анализ

М.: Книжный дом «Университет», 1999 - 144 с.

⁷Лозовский Б.Н. Кто и как манипулирует журналистами. Манипулятивные технологии влияния на средства массовой информации. - Екатеринбург: Издат-во Урал. Ун-та, 2011.

1.1. Политический дискурс в процессе институционализации политической науки: проблемы изучения и тенденции развития

На современном этапе развития политической науки феномен политического дискурса вызывает чрезвычайно широкий интерес, однако, несмотря на активное изучение и обсуждение в академической среде, специалисты до сих пор не пришли к единому мнению относительно термина «дискурс», а именно его содержания и методов изучения. По мнению Т.А. Ван Дейка данное понятие расплывчато в той же степени, в какой представляется невозможным с уверенностью описать такие понятия как язык, общество, идеология, что в свою очередь и порождает к ним такой интерес в научной среде⁸.

Знаменитый ученый Джордж Юл отмечал: «дискурс-анализ объединяет под собой широкий спектр научной деятельности, начиная от узко сфокусированного исследования того, как слова «oh» и «well» используются в обыденной речи, до изучения доминирования идеологий в определенной культуре»⁹.

Для углубленного осмысления проблемы политического дискурса необходимо изучение уже накопленного опыта в данной области, знакомство с основными изложениями дискурса и проведение анализа устоявшихся теоретико-методологических подходов. Таким образом, можно сделать вывод, что аналитический обзор теоретического наследия, тем или иным образом касающегося данной проблематики, представляется важной и необходимой задачей.

Период бурного развития теории политического дискурса принято относить ко второй половине XX века. О.Ф. Русакова отмечала: «Гуманитарные науки на протяжении всего XX века находились под обаянием феномена

---

⁸ Сычева Е.В. К проблемам понимания термина «дискурс»// Молодой ученый, 2011. №3. Т2. С42-46.

⁹ Yule G. Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 2000. P.83.

языка»¹⁰. Именно на этот период приходится высказывание Фердинанда де Соссюра о том, что язык никогда не существует вне социального факта, так как он является семиологическим феноменом. Его социальной природой – утверждал ученый – является одно из его внутренних свойств¹¹.

Вторую половину XX века часто называют лингвистическим поворотом преобразовавшимся затем в силу бурного перехода постмодернистской практики в «дискурсивный поворот»¹². Эти изменения положили фундамент для формирования гуманитарного знания, задав для него векторы развития. Термин «дискурс» впервые прозвучал в работах ученых З. Харриса и Э. Бенвениста в 50-е гг. и обозначал речь в целом¹³. Первые результаты исследования политического дискурса были опубликованы уже в 1956 году в серийном издании П. Ласлетта «Философия, политика и общество»¹⁴.

За годы исследований сложилось несколько вариантов трактовки дискурса, каждый из которых является уникальным. Анализ многочисленных работ, посвященных дискурсу, помог сформулировать следующее определение: «Дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в понятийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах).

Дискурс – это речь, погруженная в жизнь»¹⁵.

Фундаментом теории политического дискурса являются сотни научных работ, посвященных этой теме. Значительная часть исследований, посвященных

10[□]Русакова О.Ф. Современные теории дискурса. Опыт классификаций. // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. С. 10-28.

11[□]Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики (извлечения) / Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение. 1964. Ч. 1. С. 340-345.

12[□]Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Аст, 2010. 177 с.; Гуссерль Э. Логические исследования. Прологомены к чистой логике. М.: Академический проект, 2011. Т. 1. 256 с.

13[□] См. Стеценко Н. М. О соотношении понятий текст медиатекст – медиадискурс. Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63). 2011. № 4. Часть 2. С. 372-378.

14[□]Laslett P. *Philosophy, Politics and Society*. Oxford: Basil Blackwell, 1970. P. 184.

15[□]Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание, Большой энциклопедический словарь / (Гл. ред. В.Н. Ярцева); 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 136-137

политическому дискурсу, базируется на коммуникативном подходе, рассматривающем дискурс, в первую очередь, как «важный и неотъемлемый агент коммуникации, который выступает носителем и ретранслятором смыслов, ценностей, идей, образов, мнений, интерпретаций и прочих ментальных и виртуальных образований»¹⁶. Направление, в центре внимания которого главным образом находилась теория и практика политического дискурса, логически возникло на основании эволюционного развития теории политической коммуникации, заложенной Г. Лассуэллом, П. Лазарсфельдом¹⁷ и др. Основы теории политического дискурса можно найти в работах идейных представителей и последователей Франкфуртской школы, постмодернизма, социального конструктивизма и постструктурализма.

Еще одно течение, вытекающее из политического дискурса – анализа – критический дискурс – анализ, теоретический фундамент которого уходит в марксизм и мыслится как разоблачающий социальный порядок доминирования и принуждения.

Идеи критического дискурса – анализа были разработаны в трудах А. Грамши, М. Бахтина, Л. Альтюссера¹⁸.

В работах А. Грамши описываются ситуации идеологической гегемонии, которые послужили серьезной предпосылкой для развития критического направления теории политического дискурса. В основе трудов А. Грамши лежал принцип, согласно которому идеология является определенной трактовкой социальной реальности. Власть имущие, по его мнению, способны удерживать массы в подчинении, только в случае представления своих воззрений как общезначимых для обеспечения общественного согласия и легитимность власти. Однако Грамши в отличие от последователей рассматривал идеологию

16[□]Русакова О.Ф. Современные теории дискурса. Опыт классификаций. // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. С. 10.

17[□]Lazarsfeld P.F. On Social Research and its Language. - Chicago, 1993; Lasswell H. Propaganda Technique in the World War. - London, 1927

18[□]Грамши А. Тюремные тетради. Том 1. М.: Политиздат, 1991; Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000; Альтюссер Л. П. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) [Электронный ресурс] / пер. с фр. С. Б. Рындина // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77).

как явление позитивное, с помощью которого можно создать новую культуру и объединить людей¹⁹.

Идеи А. Грамши были активно восприняты теоретиками политической коммуникации. Современные процессы управления они стали трактовать как гегемонию посредством масс-медиа. Ученый исследовал влияние идей на социальную реальность, однако не ставил вопрос о конструировании общественных явлений посредством языка и был далек от идей социального конструктивизма, воспринятых впоследствии теоретиками политического дискурса.

М.М. Бахтин, в свою очередь, также занимаясь активным исследованием языка, рассматривал его как инструмент идеологической и политической борьбы. Ученый утверждал, что значение определяется контекстом, зависит от ситуации и никогда не является законсервированным²⁰.

Еще одним богатым идейно-теоретическим источником для школы критического дискурс-анализа стали идеи неомарксистов.

В соответствии с идеями немецкой школы проблемы использования лингвистических конструктов рассматривались для достижения политических целей²¹.

Среди идейных вдохновителей теоретиков критического дискурс-анализа нельзя не отметить французского философа П. Бурдьё.

Исследователь рассматривает дискурс как символический капитал, функционирующий в политическом поле. Автор отводит особую роль сфере культуры, указывает на роль субъективной составляющей в преобразованиях, пытается освободить культуру от экономического детерминизма, снизить значение объективных экономических причин и показать, насколько важны изменения в результате социальных взаимодействий.

---

¹⁹ Грамши А. Тюремные тетради. Том 1. М.: Политиздат, 1991. С. 41-47.

²⁰ Бахтин М. М. Фрейдиизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000.

²¹ Крючкова Г.Б. Язык аполитики в работах ученых ГДР / Г. Б. Крючкова // Язык как средство идеологического воздействия. М., 1983. С. 59-75.

Ученый развивал подход к дискурсу как к системе, которая задает нормы, стереотипы, и схемы политического поведения, формирует и регулирует типичные социальные практики. Принятие символической власти происходит путем восприятия «социально-детерминированных диспозиций»²². За любым дискурсом и лингвистическим тезаурусом стоит политическая власть, которая, по сути, и производит систему языковых норм и языкового кода, обеспечивающего коммуникативную связь, а тем самым символическое господство и регулирование социально-политических отношений.

Современные российские исследователи выделяют несколько течений внутри этого широкого направления:

- Французский дискурс анализ (М. Пешо, П. Серио, Э.П. Орланди, Ж. – Ж. Куртин, Д. Мальдидье);
- Критическая лингвистика (Р. Фаулер, Б. Ходж);
- Социальная семиотика (Г. Кресс, В. Лиуэн, Л. Чоулиораки);
- Социокультурный дискурс-анализ (Н. Фэркло, Р. Водак);
- Социокогнитивный дискурс-анализ (Т. А. Ван Дейк)²³.

Ключевая характеристика для всех направлений, заключается в том, что в работах авторов в той или иной форме постулируется проблема использования языка как инструмента социального контроля и власти над обществом.

Анализ политологических источников по проблематике политического дискурса дает нам основания полагать, что критический дискурс-анализ является одним из самых разработанных и структурированных направлений в теоретическом плане, имеющим достаточно большое количество приверженцев среди интеллектуальной элиты²⁴.

²²Бурдые П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Электронный источник: «Отечественные записки». 2005. № 2. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1040#s>

²³Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ / Серия «Дискурсология». Екатеринбург: Дискурс – Пи, 2006. С. 36-48.

²⁴Dijk T. A. van. Introduction: Discourse Analysis as a New Cross-Discipline // Handbook of Discourse Analysis. London.: Academic Press, 1985. Vol.1. P. 1-10.

Я. Торфинг относит критический дискурс-анализ ко второму поколению теорий дискурса, когда предметное поле дискурс-анализа перестает сводиться к лингвистическим проявлениям, расширяясь до изучения общественно-политической сферы²⁵.

Согласно Норману Фэркло, цель критического анализа дискурса – рассмотреть связь между использованием языка и неравными отношениями власти²⁶.

Представители критического дискурс-анализа пропагандируют эмпирическое изучение феномена и широко используют лингвистические методы в исследованиях, делая акцент на анализе текста и речи с целью выявления практик манипулирования общественным мнением.

В работах Г. Кресса встречается мысль о том, что идеологическая позиция реализуется с помощью текстовой синтаксической структуры²⁷. Таким образом, идеологическая форма транслируется с помощью лингвистического содержания.

По мнению теоретика Р. Водак, власти всегда свойственна пристрастность, так как политическая сфера практически во всех случаях предполагает субъективный интерес закулисных сил²⁸. СМИ проигрывают в своем стремлении быть независимыми, т.к. даже будучи не ангажированными, транслируют информацию в общепринятых рамках.

Еще один важный аспект – постулирование контекстуальности дискурса. Авторы данного теоретического направления сходятся в том, что дискурс всегда должен рассматриваться в контексте заданной ситуации, в контексте существующей культурной традиции и в контексте господствующей идеологии, в самом широком смысле этого термина.

25[□]Torfinng, J. Discourse theory: Achievements, arguments, and challenges / In D. Howarth and J. Torfinng (eds.) // Discourse Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. P. 1-32.

26[□]Fairclough N. Language and Power. London: Longman, 1989.

27[□]Kress G. Ideological Structures in Discourse // Handbook of Discourse Analysis. Discourse Analysis in Society. London: Academic Press, 1985. Vol. 4. P. 27-42.

28[□]Wodak R. Critical Discourse Analysis / Discourse as Social Interaction. London: Sage Publications, 1997. Vol. 2. P. 197-216.

Контекст также играет основополагающую роль в теории политического дискурса Т. А. Ван Дейка, который рассматривает его в качестве ментальной модели, сквозь призму которой участник политического процесса воспринимает полученную информацию. Ментальная модель каждого индивида представляет собой уникальную конструкцию. Дискурсивные практики не существуют без определенных стереотипов, знаний, групповых установок и принятых мнений. Огромное количество процессов, происходящих вокруг индивида, приводит к вынужденной когнитивной редукции с помощью закрепленных ментальных моделей. Итак, текст воспринимается в контексте наших знаний²⁹.

В соответствии с идеями постструктурализма, критический дискурс-анализ в центр внимания ставит проблему воздействия дискурса на формирование политической и социальной реальности, а также проблему социальной природы человеческого знания, которое также оказывается непосредственно включено в сферу дискурсивного влияния. Однако М. В. Йоргенсен и Л. Дж. Филлипс полагают, что это влияние носит и обратный характер, обеспечивая взаимодействия социальной практики и дискурса³⁰.

Похожую позицию отстаивают Н. Фэркло и Р. Водак, утверждающие, что «дискурс и социокультурная реальность обуславливают друг друга: дискурс формирует общество и культуру, так же, как и сам формируется ими; их взаимосвязь диалектична. Это означает, что каждый факт применения языка делает свой небольшой взнос в процесс воспроизводства или трансформации общества и культуры, включая властные отношения»³¹.

Одним из центральных понятий теоретиков критического дискурс-анализа является феномен «коммуникативного события», которое трактуется как «соединение логики дискурсивной практики с объективной логикой

29[□]Будаев Э. В., Чудинов А. П. Методологические грани политической метафорологии // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. № (1)21. С. 22-31. URL: <http://philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-07.html>

30[□]Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2004. С. 33.

31[□]Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Серия «Дискурсология». – Екатеринбург: Дискурс – Пи, 2006. – С. 44.

социального и экономического порядка»³². Это означает, что текст, медиадискурсивное пространство и политическая реальность связаны между собой: создают и постулируют значение политического факта совместно.

Таким образом, объективный мир находится в ситуации взаимовлияния и взаимодействия с дискурсивной практикой, обеспечивающей взаимное развитие и проникновение. Однако теоретиками критического дискурса – анализа отрицается полное конструирование социального посредством дискурса.

Н. Фэркло и Р. Водак, исследовавшие традиции критического дискурса-анализа и являющиеся известными представителями этого направления, среди причин бурного развития направления называют увеличение контактов политических деятелей (либо институтов) с массовой аудиторией посредством масс-медиа³³.

Несмотря на активное развитие направления критического дискурса-анализа, сотни научных работ, монографий, специализированных журналов, ученых-приверженцев, критический дискурс-анализ подвергается значительной критике³⁴.

Представители критического дискурса-анализа априори исходят из того, что всякий текст имеет идеологическую нагрузку и признан быть орудием установления отношений доминирования и субординации.

Е. В. Переверзев выделяет три основных направления критики:

- Междисциплинарность;
- Объективность;
- Неравенство³⁵.

32[□]Русакова О.Ф. Современные теории дискурса. Опыт классификаций. // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. – С. 10-28.

33[□]Fairclough N., Wodak R. Critical Discourse Analysis // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 2. Discourse as Social Interaction / Ed. by Dijk T. van. – London, 1997. – P. 258-284.

34[□]Трахтенберг А. Д. Возможен ли «демократический дискурс»? (к вопросу о дискурсивном анализе массовой коммуникации в современной политической науке). Предисловие к статье Н. Карпентье, Л. Ли, Я.Сервэ) // Современные теории дискурса: мультипарадигмальный анализ. – Екатеринбург: Дискурс – Пи, 2006. – С. 61.

35[□]Переверзев Е. В. Критика КДА: некоторые ограничения критического дискурса-анализа как научного подхода [Электронный ресурс] // Современный дискурс-анализ. 2009. № 1. Т. 1. С. 31 – 38. URL: http://www.discourseanalysis.org/ada1_1.pdf

Для М. Фуко, одного из самых известных авторов, мыслящих в рамках данной исследовательской парадигмы, дискурс представляет интерес с точки зрения интерпретации его как властного ресурса, воспроизводящего отношения доминирования и способствующего поддержанию неравенства в обществе. В одной из своих поздних работ «Археология знаний» М. Фуко трактует дискурс как некую тонкую контактирующую поверхность, сближающую язык и реальность, где дискурсы трактуются не как совокупность знаков, а как практика, которая систематически формирует объекты, о которых дискурсы говорят³⁶.

Любые социальные явления детерминированы дискурсивными практиками. М. Фуко не отрицает возможность существования социальной реальности, но считает, что она не может восприниматься не через дискурс, поскольку процесс восприятия сопровождается интерпретацией информации сквозь уже имеющийся опыт и в соответствии с теми структурами, которые мы считаем истинными.

Отдельного рассмотрения заслуживает дискурсивная теория Э. Лакло и Ш. Муфф. Теоретические конструкции ученых разворачивается в рамках парадигмы социального конструкционизма.

Сама по себе теория Э. Лакло и Ш. Муфф основывается на трудах Л. Альтюссера, который отводил огромную роль влиянию идеологии на трансформацию реальности³⁷. «Сверхдетерминация идеологии» рассматривается Л. Альтюссером как область социальных практик, которая через задействование бессознательных механизмов способна подчинить индивидуальное сознание. Такой подход исследует дискурсивные стратегии, формирующие определенные социальные представления индивидов. Можно отметить, что в работах Л. Альтюссера феномен идеологии представлен не с точки зрения системы оформленных взглядов и идей, детерминированных

---

³⁶ Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. С. 48 – 50.

³⁷ Альтюссер Л. П. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) [Электронный ресурс] / пер. с фр. С. Б. Рындина // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html>

экономическим базисом, а в качестве самостоятельного образования, которое посредством дискурсивной среды служит пространством для самопрезентации индивидов. Свойства политических субъектов, таким образом, являются результатов воздействия дискурсивной среды³⁸.

Исследователи Э. Лакло и Ш. Муфф доказывают, что в рамках политического дискурса происходит становление идеологии вследствие изменения структуры языка. Укрепление значений имеет место в программных документах, в которых понимание временных событий представлено под определенным углом. Таким образом, политика представляет собой сферу, строящую и меняющую социальную реальность.

В отличие от приверженцев критического дискурса – анализа, которые подчеркивают взаимовлияние дискурсивных и социальных процессов, Лакло и Муфф утверждают, что исследователь, включенный в общественно-политические процессы, также является носителем политического языка и идеологии, поэтому вся социальная практика дискурсивна по своему характеру.

Я. Торфинг считает теорию дискурса совершенно новым теоретико-методологическим подходом. Ученый полагает, что в фокусе внимания дискурса находятся проблемы конструирования реальности, образов, смыслов, проблема политической идентичности. В рамках своих исследований Я. Торфинг разработал новую классификацию дискурсивных теорий в зависимости от смысловой близости к постструктурализму³⁹.

Себя лично исследователь относит к третьему, наиболее близкому к постструктурализму направлению, отрицая понятие объективной истины. По мнению исследователя, существующий социальный порядок – результат дискурсивного конструирования, которое решает, что есть истина.

Теоретики М. Йоргенсен и Л. Дж. Филлипс считают, что факт недостижимости истины самой по себе, делает бессмысленным вопрос

---

38 Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy London: Verso, 1985.

39 Torfing, J. Discourse theory: Achievements, arguments, and challenges / In D. Howarth and J. Torfing (eds.) // Discourse Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. P. 1 – 32.

истинности или ложности. Вместо этого следует сосредоточиться на том, как создаются «эффекты истинности» в дискурсах. По их мнению, необходимо анализировать дискурсивные процессы, посредством которых дискурсы приобретают признаки истинности или ложности предоставленной в них картины действительности⁴⁰.

Анализ работ отечественных ученых, работающих в данной парадигме, показывает, что отечественные теории в основной массе тяготеют к критическому анализу дискурса, ставя проблему использования языка как властного ресурса в центр исследований.

Д.А. Максимов выделяет следующие теории политического дискурса в рамках отечественной школы:

- Теории манипулятивности исследуют языковые пути, используемые политиками в целях контроля над обществом;
- Теории тематического анализа концентрируют внимание на смысловой направленности дискуссии, заданной говорящим;
- Теории рефлексии делают упор на то, что «производители» политического дискурса по-разному могут понимать одни и те же концепты, соответственно изменяя их в рамках своих идеологических убеждений;
- Теории аксиологического анализа акцентируют внимание, прежде всего, на ценностной составляющей политического дискурса;
- Теории интент – анализа предполагают акцентированное внимание на изучении коннотативного значения вместо денотативного, указывают на ситуативность любого текста;

---

⁴⁰Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2004. С. 33.

- Идеологический анализ политического дискурса подразумевает анализ политического дискурса с точки зрения передачи ценностно нагруженных смысловых структур, претендующих на объективность⁴¹.

Подводя итог, следует отметить, что середина XX века стала важной вехой в развитии гуманитарных дисциплин. В области исследования политического дискурса идет активное накопление и осмысление теоретической базы. При этом четко просматривается тенденция усиления связи между политическими и языковыми явлениями, а также более глубокой специализации теорий политического дискурса.

Объединяющим моментом для различных школ является то, что явления мировой политики реализуются посредством языкового дискурса. В работах теоретиков всех направлений обозначена проблема связи языка, социальной реальности и политической власти. В центре внимания исследователей – тезис об инструментальном применении политического дискурса, использование лингвистических конструкций для достижения политических целей.

1.2. Теоретико-методологические основания исследования политического медиадискурса

В XX веке облик современного мира во многом стала определять информация, которая вызвала закономерное формирование общественных отношений нового типа. Современный мир характеризуется стремительной медиатизацией пространства. Формы и способы бытования политического языка все больше находят свое проявление в медийном пространстве.

Мария Шилина сформулировала следующее определение медиа: «В качественном отношении медиа – это совокупность реальных и виртуальных

---

⁴¹См.: Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ / Серия «Дискурсология». Екатеринбург, - С. 48-51

коммуникационных процессов, которые обеспечивают публичный гражданский диалог в современном обществе»⁴².

Переключение человеческих сообществ на постиндустриальную схему развития усиливает нарастающую тенденции более глубокого и всестороннего включения общества в коммуникативно-информационное поле. В связи с этим политических дискурс обретает черты медийного феномена⁴³.

Медийная составляющая процессов сегодня находится в центре изучения многих дисциплин, в том числе лингвистики, политологии, социологии. Политические процессы, явления и феномены становятся все более опосредованными медиапространством и получают свое дискурсивное проявление именно через медиаканалы. Интерес политической науки к медиадискурсу объясняется всевозрастающими возможностями медиа по созданию социоинформационного поля, которое может быть использовано как среда для воздействия на аудиторию, а значит на формирование установок и мнений этой аудитории.

Важно заметить, что имеют место и обратные процессы. Политическая и медийная среда находятся в ситуации постоянного взаимодействия, взаимопроникновения и оказывают друг на друга взаимное влияние. Процессы политической, идеологической и ценностной трансформации, происходящие в мире, не могут не оказать воздействие на медиаполе, которое, в свою очередь, превращает пространство языковых практик в среду для публичной дискуссии. Медиаполе, с одной стороны, представляет собой незамедлительно реагирующую на изменения среду, с другой – оперативно воспроизводящую их. Исследователь Н.Г. Нестерова называет медиадискурс наиболее медиализированным и актуальным, то есть, отражающим последние тенденции и феномены социальной реальности⁴⁴.

---

42 Шилина М. Г. Актуальный медиадискурс: теоретико-методологические аспекты исследований. Теория СМИ и массовой коммуникации. Выпуск № 4. 2011.

43 Там же.

44 Нестерова Н.Г. Коммуникативно-прагматическая специфика спонтанного радиодискурса // Вестник Томского гос. ун-та. Серия Филология.-2009. – С. 37-41.

Образ знаний о политической картине, который формируется у индивида, во многом зависит, с одной стороны, от особенностей функционирования когнитивной системы, с другой – от условий формирования политического знания в пространстве политического медиадискурса.

В.А. Кожемякин делает акцент на том, что знание формируется не только в результате коммуникативных процессов, но и в процессе коммуникативного взаимодействия. Речь идет о простых когнитивных формах, о спонтанном знании, которое заполняет нашу повседневную жизнь, формируя наш социальный опыт. Поэтому теоретик настаивает на том, что исследовать необходимо «целостный коммуникативно-когнитивный процесс смыслопорождения»⁴⁵, то есть, другими словами, медиадискурс.

На сегодняшний день исследователями выделяются несколько подходов к определению медиадискурса. Согласно первому подходу, медиадискурс является самостоятельным типом речемыслительной деятельности, который функционирует в рамках специфического медиа-поля. С точки зрения другого подхода, медиадискурс – любой тип дискурса, реализуемый в медиа-поле⁴⁶.

После начала Первой Мировой войны, в связи с удачным использованием технологии массовой пропаганды, широкую популярность получила «теория волшебной пули». Данная концепция была разработана Г. Лассуэллом в 1927 году, суть которой заключалась в широких возможностях влияния коммуникационных сообщений медиа на массовую аудиторию. Учитывая все структурные компоненты механизма коммуникации, сообщение, по мнению ученого, как волшебная пуля пронзает сознание индивида, закладывая смысл и предопределяя образ действий, необходимый отправителю сообщения⁴⁷. С точки зрения данной концепции, политический дискурс, организованный в СМИ, должен был быть монологом, представляющим собой некий технический

45[□] Кожемякин Е. А. Дискурс-анализ массовой коммуникации. Электронный ресурс. Global media journal. Российское издание. URL: <http://www.gmj.sfedu.ru/v2il/v2ilkozhemyakin.html>

46[□] Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. №2 (73). Вып. 11. – С. 13-21.

47[□] Гречихин М. В. Современный русский медиадискурс: язык интолерантности // Гуманитарные исследования. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2008. № 2. – С. 27.

процесс с жестко заданным и предсказуемым результатом. Эта теория изначально лаконично вписывалась в господствующую в то время научную парадигму, не принимавшую во внимание особенности восприятия информации объектом коммуникации и его роль как участника политических процессов.

Однако концепция не прошла проверку эмпирическими фактами и, в конце концов, была опровергнута и заменена моделью двухступенчатой коммуникации, суть которой заключалась в опосредованности информационного воздействия лидерами общественного мнения.

В послевоенные годы в процессе эволюции политической мысли на стали доминировать теории, в рамках которых информационные возможности, во-первых, уступали по силе воздействия, во-вторых, были направлены на укрепление уже существующих и обозначенных, либо на актуализирование латентных предпочтений. Главный аргумент представителей данного направления заключался в обезличенности медиасреды как канала коммуникации, что, следовательно, уменьшало степень доверия к нему. Такого рода теории условно обозначают как «теории минимальных эффектов».

Дальнейшее развитие исследований медиапространства было связано с мощным техническим прогрессом. Роль медийной составляющей жизни потенциального избирателя стала возрастать. Центральной проблемой, которая встала на повестку дня того времени, стала способность медиаполя оказывать влияние на ход избирательной кампании. Появлявшиеся исследования основывались на идеях, выдвинутых У. Липпманом еще в начале XX века, который указывал на медиальную инсценировку реальности, позволяющую создать упрощенный, искаженный и стереотипизированный образ псевдореальности, который явно мог повлиять на действительность. Эти идеи способствовали «теории повестки дня», которая господствовала в научной среде еще спустя два десятилетия.

Согласно концепции «повестки дня», медиаисточники не оказывают влияние на взгляды и убеждения индивидов настолько, чтобы изменить их, однако они трансформируют ту базу знаний, которой пользуется индивид во

время принятия решения. Именно эта база формируется при помощи информационных сообщений, наиболее часто фигурирующих в социоинформационном пространстве. В современном обществе образ мира также во многом формируется в области медийного поля.

С точки зрения М.Г. Шилиной, активное становление и развитие феномена медиадискурса можно разделить на два этапа⁴⁸:

- 1960-1970 гг. Прогностический этап, который характеризуется повышенным вниманием ученых к возрастающей роли информации на фоне развития технологий.
- 1970-1980 гг. Этап технологически-коммуникативных концепций исследования медиадискурса. Этот этап отмечен развитием разнонаправленных концепций, а также исследованием социального пространства как общей «глобальной деревни». Новаторской идеей, которая возникла в эти годы, стала идея об определяющем влиянии коммуникации на все сферы человеческого существования, которая видоизменяет пространства и человеческую природу.

Поскольку феномен политического медиадискурса стал предметом активной теоретической рефлексии лишь в конце прошлого века, методология его исследования находится на этапе интенсивной теоретической разработки и творческого поиска современных политологов.

При разработке методологических подходов к изучению политического медиадискурса следует учитывать ряд факторов: во-первых, медиадискурс строится по принципу организации диалога, что подразумевает возможность политического медиадискурса не только воздействовать на аудиторию, но и взаимодействовать с ней. Таким образом, реализация политического медиадискурса идет по пути перестроения системы обращения к аудитории.

---

⁴⁸ Шилина М. Г. Актуальный медиадискурс: теоретико-методологические аспекты исследований. Теория СМИ и массовой коммуникации. Выпуск № 4. 2011.

Во-вторых, стоит учитывать фактор полидискурсивности пространства, суть которого заключается в том, что каждое направление медиадискурса обладает собственной коммуникативной и языковой уникальностью, связанной с различными способами передачи дискурса.

В наше время политическая борьба информационное влияние на международной арене перемещается в сферу медиадискурса, где язык в целом, и отдельное слово в частности становятся главными элементами символического превосходства.

Тенденция, которая набирает оборот с течением времени, заключается в возрастающем влиянии медиадискурсивного пространства на функционирование международных механизмов взаимодействия. Характер последствий подобных процессов в международных масштабах еще полностью не осознан, но уже сейчас он позволяет сделать некоторые выводы:

- Появляется возможность создания политического медиадискурса как эффективного инструмента трансляции позиций стран и их диалога с обществом, соответственно возрастает масштаб целевой аудитории. Помимо этого, информационный прогресс предоставляет возможность незамедлительного получения реакции общества.
- Технологический рост предопределяет появление новых, усовершенствованных, усложненных форм по организации платформ взаимодействия в пространстве политического медиадискурса.
- Международная политика приобретает интерактивный формат, что, безусловно, влечет за собой необходимость постоянного информирования общества с целью предоставления наиболее актуальной и выгодной властям информации и, как следствие, ускорение темпов принятия политических решений. Прежняя детерминированность политической коммуникации уступает место спонтанности, непредсказуемости, неожиданности.

- Пространство политического медиадискурса формирует все предпосылки для активного вовлечения индивида в политическую деятельность. Создаваемый информационный шум, активное проникновение медиа в частную жизнь делает объекта политической коммуникации вынужденным соучастником происходящих политических событий.
  - Меняется характер получаемого индивидом знаний о политических процессах. Основная информация, предлагаемая для анализа, формируется в пространстве медиадискурса. Знание возникает в ходе социальных интеракций, а его истинность задается политическим контекстом. Исследование медиадискурса помогает понять механизм формирования знания, а также контекст транслируемой информации. В дополнение к этому информационный избыток снижает возможность самостоятельного детального анализа происходящих политических событий, поэтому индивид вынужден поглощать предоставляемую ему информацию, а его точка зрения оказывается сконструирована под воздействием внешних условий

Таким образом, наибольший интерес представляют социо-когнитивные основания дискурса, способные ориентировать мнение читательской аудитории. Информационно-психологическое воздействие может носить открытый характер – в рамках идеологии или скрыто – с помощью манипулятивных технологий. Ввиду того, что феномен информационного противостояния включает в себя обе формы воздействия, представляется необходимым рассмотреть весь спектр используемых механизмов управления общественным мнением.

Глава 2. Международный политический конфликт: теоретико-методологическое исследование

2.1. Информационно-психологическая война как форма международных политических конфликтов

Информация в наш век играет наиважнейшую роль в функционировании общественных институтов и в жизни каждого гражданина. В информационном обществе масс-медиа обретают дополнительные возможности влияния на общество, особенно если сфера их интересов относится к тематике медийных конфликтов.

Информационное сопровождение конфликтной ситуации, по определению М. Мельникова⁴⁹, является направленным или спонтанным освещением значимых событий конфликтного противостояния. Согласно тезису о функции масс-медиа по установлению повестки дня, сформулированному М. Маккомбс и Д. Шоу в 1972 году, СМИ несет воздействие конструирующего характера на аудиторию, а цель состоит в создании повестки дня. «Когда СМИ обращаются к освещению тех или иных событий и проблем, эти проблемы воспринимаются аудиторией в качестве наиболее важных и заслуживающих внимания: в их сознании происходит «воспламенение» соответствующей проблемной зоны за счет остальных зон. Тем самым в сознании членов аудитории формируется соответствующая повестка дня, то есть особая медиа-реальность, картина мира, «профильрованная» через средства массовой информации»⁵⁰. Во время конфликтных ситуаций эффект повестки дня в СМИ усиливается. У. Липпман, в книге *Общественное мнение* представил термин «world beyond our reach»⁵¹ т.е. мы полагаемся на СМИ, когда не знаем чего-либо. Учитывая контроль над информацией со стороны СМИ, мы можем сделать

---

⁴⁹ Мельников М. Прикладная конфликтология для журналистов. – М.: Права человека, 2006. – С.23.

⁵⁰ Дьякова Е.Г. и Трахтенберг А.Д. Проблема конструирования реальности в процессах массовой коммуникации: гипотеза «agenda-setting», - С. 142.

⁵¹ Липпман У. *Общественное мнение*. Free Press 1965. – С. 158

вывод, что при создании собственного мнения, человек не может полагаться на интуицию, разум или общественное мнение, когда речь идет о недоступном для нас мире. В XXI веке государство представляет собой информационное общество, которое использует информационные технологии в производстве. В любом информационном обществе информация дозируется, поступая в общество частично и в нужном направлении. В мире существует множество подобных информационных обществ, которые сталкиваются друг с другом во время конфликтных ситуаций. Важно понимать, когда политический конфликт переходит на уровень информационной войны. Для того, чтобы информационное воздействие оказалось эффективным необходимо частичное присутствие правды. Но на этом фоне могут поступать и необходимые порции ложных данных. Информационные противостояния, происходящие в киберпространстве, создают различный новостной продукт, манипулируя общественным сознанием людей не только на территории их государства, но и в других странах.

Мы живём в эпоху, когда информация является не только дополнением к ключевому полю борьбы и конкуренции, но и к обычной военной операции. Информационные технологии подготовили среду для большего возникновения конфликтов. СМИ являются важным инструментом контроля над мнением и сознанием масс в политическом конфликте. Например, СМИ могут искусственно манипулировать массовым сознанием, отбирая и особым образом показывая определенные явления, тем самым формально избегая диктата, но осуществляя «подсказку» зрителям и читателям какие события наиболее значимы и на каких нужно заострить внимание. Именно поэтому, СМИ является главным инструментом использования информационного противостояния с целью нанесения урона или же улучшения политической ситуации.

Конфликт предполагает последовательность и координацию атаки, чтобы добиться снижения технической активности. Тип информационной атаки и последовательность формируют информационное противостояние, что является

менее острой формой войны. Государства стремятся приобрести нужную им информацию, воспользоваться ею и защищать ее от других государств. Так как все сферы государства: политическая, экономическая и военная пользуются информацией, то государство обеспечивает сохранность своей информации от чужого внедрения и поиск новой информации в чужом киберпространстве. Владение информацией – это усиление собственной мощи, понижение мощи врага или умение противостоять чужой информации. Чтобы урегулировать информационные атаки, ряд государств разработал законы регулирующие активность в информационном поле.

Информационное противостояние представляется комплексным информационным воздействием сторон друг на друга, которое способно привести к принятию благоприятных решений либо парализовать информационную инфраструктуру противника. Манойло А. В. представил наиболее точное определение этого явления: «концепция информационного противостояния представляет собой совокупность взглядов на цели, задачи, принципы и основные вектора информационного противоборства и государственной информационной политики в условиях определения информационным обществом новых геополитических приоритетов, форм и методов геополитической конкуренции»⁵².

Сегодня в информационном обществе каждый человек стал более уязвимым в отношении защиты своих данных. А быстрое распространение информации стало главным мощным пунктом информационного оружия. Информационное противостояние все чаще затрагивает внешнюю политику стран, из-за чего многие лидеры постепенно вступают в дискурс об информационном господстве.

Ученые С. Имброньо и С. Охрименко так высказывались об информационном господстве: «информационное противостояние - это акции, направленные на достижение информационного превосходства, с помощью

---

⁵²Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. – М.: МИФИ, 2003. – С. 39

поражения сознания и информационных систем противника, с обеспечением защиты собственной информации и информационной системы»⁵³.

Доктор политических наук Манойло А. В. подразделяет информационное противостояние на четыре следующие стадии⁵⁴:

1. Мир. Информационно-психологические конфликты локальны по своим масштабам, не способны нанести существенного урона политическим взаимоотношениям и национальным интересам каждого участника конфликта, то есть, носят не столько разрушающую, сколько регулирующую роль в межгосударственных и общественных отношениях.
2. Столкновение. Конфронтация интересов, при которой нарастающие противоречия могут привести в дальнейшем к обострению отношений и эскалации конфликта, росту его масштаба, интенсивности, вовлечения в него новых субъектов и сфер деятельности. На этой стадии конфликта взаимоотношения субъектов все еще развиваются по законам мирного сосуществования, но свести этот конфликт на нет могут только скоординированные совместные усилия его участников;
3. Конфронтация. Период, в который конфликт перерастает при нежелании его участников идти в принципиальных вопросах на уступки и компромиссы. При конфронтации затрагиваются государственные интересы (в их ключевых аспектах) участников конфликта, решение конфликта на условиях одного из участников неизбежно нанесет ощутимый ущерб государственным интересам других. На этой стадии возвращение к мирному существованию возможно при взаимном соглашении конфликтующих сторон.
4. Информационная война. Крайняя форма разрешения конфликта в информационно-психологической сфере. В стадии информационно-психологической войны первичный локальный конфликт разрастается до

53[□] Имброньо С., и Охрименко С. «Информационное противостояние». URL: <http://www.security.ase.md/publ/ru/pubru04.html>

54[□] Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. – М.: МИФИ, 2003. – С. 276

глобальных масштабов, в него вовлекаются новые субъекты и сферы деятельности, ранее не затрагиваемые, а информационное оружие становится средством ведения войны.

Самая острая стадия противоборства – информационная война – согласованная деятельность по использованию информации, как оружия для разрушающего воздействия на противника в различных сферах: экономической, политической, социальной и на поле боя. Информационная война – война нового типа, ее основным объектом являются не только информационные системы, но, прежде всего, сознание людей, их поведение и здоровье. Многие ученые не всегда чётко отличают информационное противостояние от войны, так как первое является частью второго. С. П. Расторгуев, доктор технических наук, в своей книге Информационная война предлагает следующее определение: «информационная война это открытые и скрытые целенаправленные информационные воздействия систем друг на друга, с целью получения определённого выигрыша в материальной сфере»⁵⁵.

Специалист в области коммуникативных технологий Почепцов Г. Г. предоставил более полное определение:

«Информационная война представляет собой всеобъемлющую, целостную стратегию, призванную отдалить должное значимости и ценности информации в вопросах командования, управления и выполнения приказов вооружёнными силами и реализации национальной политики. Информационная война использует все возможности и нацелена на факторы уязвимости, неизбежно возникающие в условиях возрастающей зависимости от информации. Объектом внимания становятся информационные системы (включая соответствующие линии передач, обрабатывающие центры и человеческий фактор этих систем), а также информационные технологии, используемые в системах вооружений»⁵⁶.

---

⁵⁵ Расторгуев С.П. «Информационная война». – М: Радио и связь, 1999. – С. 211.

⁵⁶ Почепцов Г.Г. «Информационные войны». – М.: Рефл-бук, - К.: Ваклер, 2000. – С.4

Это определение направлено на техническое обеспечение информационной составляющей технической армии. Во многих кругах международного сообщества термин «информационная война» все чаще используется для обозначения широкого понятия войны в информационной эпохе. Эти новые концепции напрямую связаны с быстрым развитием киберпространства – глобальной информационной сетью, которая даёт новые возможности, но также делает сеть более уязвимой.

Роджер Моландер, американский госслужащий, привёл своё определение информационного противостояния: «возникающая сфера конфликтов, где народы используют киберпространство, чтобы влиять на стратегические военные операции и наносить удары по национальным коммуникационным инфраструктурам является стратегическим информационным противостоянием»⁵⁷.

Американские специалисты показали высокую эффективность информационного оружия после прекращения войны с Ираком, длившейся с 1991 по 1992 гг. Наиболее распространённая теория в сфере информационного противостояния это теория информационной войны, которая во многом опирается на несколько последовательно представленных ниже теорий.

Теория волшебной пули. Гарольд Лассуэлл, первый системный аналитик сферы массовых коммуникаций в XX веке, активно использовал методы социальной психологии, психоанализа и психиатрии в изучении политического поведения и пропаганды, выявляя роль массовых коммуникаций в ходе ведения информационной войны различных государств мира за власть. Пропаганда имеет очевидную связь с предвзятостью СМИ. Можно сказать, что пропаганда является мобилизацией предвзятости СМИ и термин была определён как «необъективная коммуникация»⁵⁸, но она становится эффективной, только если исходит из уже заручившихся поддержкой источников и больших организаций. То есть тех, у кого есть власть, а значит, пропагандой занимается власть. СМИ

---

57 Molander A., Riddile, P. «Strategic Information Warfare». National Defense Research Institute RAND, 1996. P.2.

58 Doving K. Road of Propaganda: The Semantics of Biased Communication. University of Michigan. Philosophical Library, 2007. – P. 111.

играют роль общественных толкователей событий от имени представителей власти, создавая символическую арену идеологической борьбы между доминирующим дискурсом и его соперников.

Теория средства. Средство есть сообщение. Маршал Маклюэн утверждал, что телевидение запустило процесс развития информационных технологий, которые адаптировались в различные тактики информационной войны. Первоначальная задача телевизора заключалась в отслеживании баллистических ракет. Сегодня человек подвергается звуковой энергии, волнами света и облучение - словно рентгеновский аппарат. «Телевидение позволило перейти на новый уровень войны. Освещение войны сейчас глобальнее самого конфликта. Освещение настолько колоссальное, что война становится невыносимой. Телевидение может, как увеличить масштабы войны, так и свести их на нет»⁵⁹. Одна из ключевых стратегий информационной войны, по мнению Маклюэна, СМИ используются в качестве введения новых сенсорных планов, программ, и мандатов на гражданское население.

Теория привратника. Курт Леви, рассматривая процедуру подготовки сообщения, выделил группу специалистов, работа которых влияет на содержание информации: редакторов, цензоров, ньюсмейкеров. Эта группа манипуляторов или гейткиперов (Gatekeeper— привратник, страж ворот)⁶⁰. Три вышеперечисленные теории предлагают основу теории информационной войны.

На базе инновационных подходов в технологической сфере были разработаны теории информационной войны. Согласно Иоланте Дарчевске, директору Центра восточноевропейских исследований, «российская теория была построена иначе и шла вразрез с американской и европейской теорией о кибербезопасности, которая изначально была использована только в разведывательных и военных целях в киберпространстве. Терминология

59[□] «TV coverage of war» отрывок из видео-интервью, 1972 г.

URL: <http://marshallmcluhanspeaks.com/television/1972-tv-coverage-of-war.php>

60[□] Чамкин А.С., Системно-социологический взгляд на коммуникационную деятельность: структура процесса и барьеры». МГПУ, Москва. Журнал. 2011 №3.

перешла в Россию, но во время внедрения в российскую действительность сильный акцент был поставлен на «оборонительную» составляющую российской теории»⁶¹. Термин оборонительная информационная война (ОИВ) используется здесь для обозначения всех действий, предпринятых для защиты от информационных атак.

Российская теория информационной войны основана на школе академиков Панарина и Дугина, предлагающей идеологические основы для борьбы за информационное господство. «Во время формирования информационной системы последователи российской школы придерживались привлечения внимания российской общественности к внешним информационным угрозам и системе противодействия. Оба теоретика и практика информационной войны принимали активное участие в публикациях и телевизионных аналитических программах на «Первом канале», «Россия», НТВ, РЕН-ТВ, Russia Today, а также на радио.

Панарин в своей книге «Информационная глобальная война II – Война против России» выделяет виды манипуляций, используемые во время конфликта, а также предлагает список основных инструментов информационной борьбы, которую он делит на две категории: тайные и очевидные. «Список состоит из пропаганды, спецслужб, аналитического компонента (СМИ, которые производят мониторинг ситуации, организационного компонента - координирование), и прочие комбинированные каналы, в том числе и специальные операции, проводимые под иностранным флагом»⁶².

Школа Дугина предполагает немного иной вариант развития теории информационной войны. Во время «Цветных революций» появился термин «сетевая война». В России этот термин рассматривается как искусственно созданный процесс на Западе, направленный на дестабилизацию целых

---

61 Darczewska Jolanta. The Anatomy of Russian Information Warfare. The Crimean Operation. A case study. Warsaw, number 42. May 2014. Centre for Eastern Studies.

62 Панарин И., Информационная глобальная война II – Война против России. URL: http://propagandahistory.ru/books/Igor-Panarin_SMI--propaganda-i-informatsionnye-voyny/26

регионов на постсоветском пространстве, распада российского государства, а также как наиболее опасную социальную форму столкновения между разведывательными службами. Этот термин впервые был представлен в России Дугиным в работе «Геополитика постмодерна», где он представил более точную стратегию Америки и концепт «сетевых войн». Этот базовый термин, означал создание новой информационно-военной структуры, включая интерактивные элементы и быстрые коммуникации – модель «Евразийской» сетевой войны⁶³. Данный симметричный (атлантико – американский) вектор информационного наступления будет ориентирован в точности в обратном направлении, а сама модель может сработать только в случае постмодернизации российских вооружённых сил, спецслужб, политических институтов, и информационно-коммуникационных систем.

Концепция американской и европейской теорий информационной войны прослеживалась у Маршала Маклюэна, создателя основных теоретических рамок понятия риторики СМИ. Маклюэн отметил, что война разрушает не только инфраструктуру, но и формирует наше сознание, влияя на наше поведение и отношение. Согласно Маклюэну «полный доступ» к информации как к среде и как к концепту расширяет военное и семантическое поле войны. Холодная война, для Маклюэна, была де факто «горячей информационной войной, освещаемой в бытовой сфере». Также и в «глобальной деревне», война больше влияет на психологический контроль иностранного и отечественного населения, чем на физическое уничтожение военной техники.

Информационное противостояние может происходить и внутри страны, например, при столкновении политических и экономических противников, в ситуациях обострения борьбы за власть, при проведении избирательных кампаний, судебных процессов и т.п. существует семь форм информационных войн⁶⁴:

63[□]Дугин А., Геополитика постмодерна. Времена новых империй. – Амфора, 2007. – С. 153.

64[□]Либики, М.С. What is Informational Warfare?/Либики М.С. – Вашингтон: Библиотека Конгресса. 1995. – Preface X. – С. 12.

- Командно-управленческая форма сконцентрирована на каналах связи между командованием и подчинёнными, целью является лишение подчиненных управления и координации сверху;
- Разведывательная форма заключается в сборе и защите военно значимой информации;
- Психологическая форма заключается в информационной «промывке мозгов» населения;
- Хакерская форма имеет цель привести к сбоям в работе связи. Оружием в данном виде войны выступают компьютерные вирусы;
- Экономическая форма представляет собой информационную блокаду и информационный империализм;
- Электронная форма информационной войны ставит перед собой задачу выведения из строя электронных средств связи;
- Кибервойна видит своей конечной целью захват информации.

Командно-управленческая форма информационной войны используется исключительно в ходе военных действий. Полковник ВВС США Эндрю Борден в 1999 году смоделировал информационную войну, фокусируясь на военные технологии. «Основные пункты: командование и контроль, психологические операции, атаки и оборонительные операции»⁶⁵. Хатчинсон и Уоррен в 2001 году определили основные принципы информационной войны и показали, как с 1980 года увеличилось значение информационной войны. «Первоначально предполагалось, что цели информационной войны будут доступны с организационной точки зрения для отслеживания злоумышленников, недовольных/дисфункциональных сотрудников, поставщиков, хакеров, спецслужб, медиа заказчиков и группы давления – у всех у них была возможность стать участниками информационной войны. Новые сферы влияния были проанализированы уже в середине 1990 года и список пополнился сферами радиоэлектронной борьбы, военными спецслужбами, информационно-радиоэлектронными войнами и кибер войной»⁶⁶.

---

⁶⁵ Williams A.H.P., Information Warfare. Time for a redefinition. Edith Cowan University, 2010. URL: <http://ro.ecu.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1036&context=isw>

⁶⁶ Hutchinson W and Warren M.. Information Warfare: Corporate Attack and Defence in a Digital World. Taylor and Francis. 2001. URL: <http://common.books24x7.com/toc.aspx?bookid=28109>

Методы ведения информационного противостояния варьируются. Разведывательный метод может происходить во время всего этапа ведения информационной войны. Бишоп М. и Голдман Э., авторы книги «The Strategy and Tactics of Information Warfare», пояснили: «все информационные атаки, направленные на сбор данных, обработку и распространение, являются посягательством на безопасность информации или системы»⁶⁷. Целью является выявление убеждений противника, его знаний. Обработать данные противника и распространить его возможности. В военной сфере информационные атаки направлены на убеждение противника прекратить военные действия или воздержаться от них, или нарушить и разрушить каналы связи, чтобы отрицательно повлиять на выполнение противника собственной информационной стратегии и способности бороться или противостоять. Данные сообщения могут быть направлены как на гражданских, так и военных лидеров и их вооружённые силы. Последнее может быть косвенно направлено на общественность, чья поддержка необходима для ведения войны.

---

⁶⁷ Bishop M., and Goldman E.O., «The Strategy and Tactics of Information Warfare» Routledge, part of the Taylor & Francis Group. 2003. – P. 28.

2.2. Методы и средства ведения информационно – психологической войны

В условиях современного информационного общества властные структуры проявляют особый интерес к критическому дискурсу языка из-за скрытого в нем огромного манипулятивного потенциала. Используя возможность контроля средств массовой информации и формирования их дискурса, политические акторы любого уровня в состоянии управлять общественным мнением как в рамках своей страны, например, в период избирательных кампаний, так и на международной арене, оказывая влияние на восприятие рядовых граждан международной политики, конфликтов, а также формируя отношение к отдельно взятым нациям.

Терминологическое поле понятия «манипуляция» весьма широко.

В энциклопедическом словаре по политологии дается следующее определение манипулирования: «Манипулирование (от фр. manipulation, происходящее от лат. manus –рука) в политике – процесс воздействия на общественное мнение и политическое поведение для канализирования в нужном определенным властным или общественным структурам направлении. Цель манипулирования – внедрить установки, стереотипы, цели, подвигнуть массы на принятие непопулярных мер и т.п». ⁶⁸

Стоит отметить, что данное определение трактует манипулирование слишком широко. Оно не позволяет «уловить» специфику манипулирования, поскольку и пропаганда, и любая политическая агитация и даже массовое политическое образование выступают как процесс канализирования и процесс воздействия на общественное мнение и поведение.

Хотя у данного определения имеются положительные характеристики. Во-первых, указано, что манипулирование – это «процесс». Во-вторых, что манипулирование осуществляется в интересах «определенных властных и общественных структур». Эти «определенные структуры» есть не что иное, как

---

⁶⁸ Манипулирование // Политология. Энциклопедический словарь. – М., 1993. – С. 162.

элиты. Достоинством приведенного определения является также акцентирование внимания на том, что целью манипулирования является не информирование общества, а внедрение «установок, стереотипов» и т.п.

Р.Гудин в своем труде «Искусство политической манипуляции», пишет о таком структурировании мира, которое позволяет выигрывать посредством применения манипуляций⁶⁹. У Б. Бессонова – это «форма духовного воздействия скрытого господства, осуществляемая насильственным путем». Согласно В. Сагатовскому, манипулировать – это значит относиться к другому как к средству, объекту, орудию⁷⁰.

Можно выделить главные, рядовые признаки манипуляции. Во-первых, это вид духовного, психологического воздействия (а не физическое насилие или угроза насилию). Мишенью действий манипулятора является дух, психические структуры человеческой личности.

Кроме того, манипуляция - это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции. Как замечает Г. Шиллер: «для достижения успеха манипуляция должна оставаться незаметной. Успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно. То есть для манипуляции требуется фальшивая действительность, в которой ее присутствие не будет ощущаться»⁷¹.

Еще один отличительный признак манипулятора это рассуждения о неких высших, всеобщих интересах, при вполне конкретных целях, относящихся к борьбе за власть и за ее удержание в своих руках. Однако сокрытие и утаивание информации – не обязательные признаки, некоторые приемы манипуляции включают в себя «предельное самораскрытие», игру в искренность⁷².

Ж. Эллюль отмечает, что эффект незаметности манипуляции обеспечивает именно ее тотальность, которой активно способствует совместное действие

---

69 Бахтуридзе З. Манипуляции массами в полит процессе. – М., 2002. - С.19

70 Сагатовский В. Социальное проектирование / Прикладная этика и управление нравственным воспитанием. – Томск. 1980. -С.86

71 Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. –М., 1960. –С.187

72 Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. –М., 2003. –С.152

всех видов СМИ, создающих устойчивую среду. Всякая манипуляция сознанием это взаимодействие. Жертвой манипуляции человек становится лишь в случае, если он является ее соавтором или соучастником. К тому же состоявшейся манипуляция считается только тогда, когда человек под воздействием полученных сигналов перестраивает свои воззрения, мнения, настроения, цели и начинает действовать по новой программе. В случае если он усомнился и защитил свою духовную программу, жертвой он не становится.

Э.Фромм показал развитие процесса утраты индивидом себя, и замещение своей личности «псевдоличностью». При этом у индивида создается иллюзия свободы, индивидуальности и самобытности, что, по мнению Фромма, выражает кризис идентичности современного общества⁷³.

Социальное назначение манипулирования заключается в организации политической деятельности больших групп людей вопреки их реальным интересам и воле. Таки образом, спектр социального назначения манипулирования начинается от привлечения внимания к альтернативным политическим настроениям до подготовки и провоцирования массовых выступлений.

Важной аспектом исследования политического манипулирования является определение его функций:

- *Функция инициирования и регулирования политического мышления и поведения заданного типа.* Суть заключается в том, чтобы задавать такое поведение, которое соответствовало бы интересам субъекта манипулирования. Поведение объектов должно оставаться управляемым.
- *Функция искажения социально-психологических оценок.* Искусственное формирование у людей определенных эмоционально-чувственных и других психических реакций, наиболее выгодных для манипуляторов.

---

⁷³Чумиков А. Креативные технологии «паблик рилейшнз». –М.,1998. –С.32

- *Функция формирования субъектов политического действия.* Служит для формирования у определенных социальных групп общества преднамеренных ложных самооценок в целях генерирования и стимулирования определенного группового поведения. Однако данная функция сама по себе выполняет две функции. С одной стороны, позволяет интегрировать незадействованные прежде части населения в субъект политического действия, и с другой стороны, отсеять те социальные группы, которые не должны совпадать с субъектом политического действия, например, врагов народа или нации. Ярче всего эта функция проявляется в обществах со слабо развитой либеральной традицией, где проще всего подменить индивидуальное достоинство коллективным.
- *Функция специфической технологии принятия политических решений.* Известно, что политические решения принимаются в результате соперничества и компромиссов различных субъектов политики. Для эффективной выработки решений необходимо быть компетентным в проблемах, стоящих перед обществом, владеть необходимой информацией, иметь как рациональные так и общетеоретические знания.
- *Функция специфической политической мобилизации.* Проявляется на этапе реализации политических решений, когда необходимо мобилизовать ресурсы, регламентировать поведения масс, и управлять их политическим сознанием.
- *Функция специфической тактики на информационном рынке.* Главной целью является не информирование общества о политических реалиях, а их сознательное искажение, внедрения стереотипов, установок, ценностей.
- *Функция специфического коммуницирования элит и не элит.* Поскольку коммуницирование элит и не элит возможно лишь на основе

использования общественного, понятного для обеих сторон языка, язык коммуницирования между элитой и не элитой носит упрощенный, схематизированный характер. Используя упрощенные образы политической реальности, и большие возможности использования СМИ элита без труда может манипулировать не элитой.

Выделенные функции политического манипулирования неразрывно связаны, поскольку являются составной частью политического процесса и используются на всех его стадиях. Информационно-психологическое воздействие манипулятивного характера, осуществляемое в чьих-либо интересах, является специфической формой управления. Однако применение такой формы управления опасно, если оно используется как особый вид психологического «оружия», тайно и приносит односторонние выгоды манипуляторам. Анализируя современную политическую действительность, не возможно не заметить насколько велико практическое, прикладное значение этого феномена.

Для того, чтобы информационно – психологическое воздействие было максимальным, существуют конкретные способы манипулирования информацией:

Фабрикация фактов или прямая ложь. Сами представители современной прессы утверждают, что не используют ложь в целях своей же безопасности. На самом деле отчасти они правы. А. Моль пишет, что процесс искажения реальности представляет собой кумуляцию мелких отклонений, не бросающихся в глаза. Подчеркивается также, что данные сдвиги не должны быть выше порога семантической восприимчивости, то есть быть незаметны для среднего получателя информации.

Отбор событий реальности для сообщений. Очевидно, что для успешного манипулирования сознанием необходимо контролировать весь объем информации, который получает объект манипуляции. Владельцы крупных СМИ осуществляющие экономический контроль за всем процессом оставляют нишу

для оппозиционной печати, но не позволяют ей выстраивать альтернативное целостное представление о действительности. В СМИ нет места диалогу и большому разбросу мнений, все «факты» и «проблемы» спускаются сверху. Все противоречащее интересам власти признается не существующим. Помимо умалчивания какой-либо информации существует прием потопления сообщения, которое невозможно скрыть, в пустом нескончаемом потоке информации.

Упрощение, стереотипизация. Человек массы был создан в западном обществе самими средствами массовой информации как продукт мозаичной культуры. Вскоре было выяснено, что чем проще сообщение, тем проще оно этой массой воспринимается. А Моль пишет, что уровень понятности сообщения должен быть на 10 пунктов ниже среднего уровня интеллектуальности того слоя общества, на который это сообщение направлено. Такую концепцию упрощения выдвинул еще У. Липпман в 20-х годах. По его мнению, редактор должен опираться на стереотипы и игнорировать любые тонкости, чтобы человек воспринимал информацию без критического анализа и переосмысления⁷⁴. Мысля стереотипами, человек утрачивает способность опираться на свои собственные жизненные устои.

«Спираль умолчания» или манипулирование опросами общественного мнения. Один из внешне самых безобидных методов манипуляции, основанный на фабрикации опросов общественного мнения с целью вынудить колеблющихся граждан склонить на сторону выгодную манипулятору, либо тщательно скрывать свое противоречие мнению якобы большинства.

Псевдосоциологические опросы. Такие опросы представляют собой возможность каждого гражданина поучаствовать в каком-либо опросе в реальном времени, например, проголосовав по телефону. Чаще всего это

---

74 Шерковин Ю. Психологические проблемы массовых информационных процессов. –М.,1973. –С.290.

делается в таких передачах, где ярко выражена борьба политических противников с целью склонить общественное мнение в нужную сторону или сформировать нужный взгляд на определенную проблему.

Утверждение и повторение. Упрощение информации позволяет донести до его сознания информацию, не претерпевшую критического анализа. Однако постепенно этот прием превратился в инструмент оглушения населения. Именно на этом уровне начинает работать метод закрепления стереотипов путем простого повторения. Считается, что любая аудитория в состоянии удерживать 60% информации в течении получаса, 40% до конца дня и только 10% до конца недели⁷⁵. Таким образом, за неделю любая проблема сотрется из нашей памяти, только если не будет «всплывать» вновь и вновь. Более того, после многократного повторения у человека устанавливается барьер от любых других мнений и оценок.

Эффект первичности. Исследования многих ученых доказывают, что та информация, которая достигла аудитории первой, или тот кандидат, который первым показал себя победителем, и будут оставаться на лидирующих позициях. И даже в том случае, если новая информация будет противоречить первой, то это не спровоцирует человека задуматься и перепроверить, а лишь проигнорировать ее наличие⁷⁶. На сегодняшний день стремление СМИ первыми донести информацию по аудитории создало проблему «горячих сообщений», которые зачастую играют на руку преступникам.

Дробление подачи информации, избыточность и высокий темп подачи. Еще одна разновидность метода упрощения, за счет которой целостная информация дробится таким образом, чтобы рядовой получатель не мог связать фрагменты воедино. Данный метод актуален как для печатных СМИ, так и для телевидения. В первом случае информация размещается в разных частях источника, во втором видеоматериал помещается в разные части всей

---

⁷⁵Соловьев А. Политическая реклама как форма зомбирования.

⁷⁶Howland C. Order of presentation persuasion. New Haven, 1957. Howland C., Janis I., Doob L., Communication and persuasion. –New Haven, 1953

передачи. Восприятие такого рода информации также носит кумулятивный характер. За счет дробления информации можно достичь и положительных результатов, например, снизить эмоционального всплеска в обществе от трагического события.

Сенсационность. Этот метод дополняет метод дробления информации. Тем самым раздробленным кусочкам информации придается аномально высокая важность и уникальность, позволяя утаить действительно важные события. Следует отметить, что сенсации чаще всего носят негативную эмоциональную окраску и создают атмосферу нервозности, что повышает уровень внушаемости людей. Несмотря на то, что для зрителя сенсация это всегда неожиданность, ее подготовка занимает огромное количество времени и сил многих специалистов.

Цитирование. Столь безобидный на первый взгляд прием очень просто сделать психологическим оружием, если вырвать часть цитаты из контекста и вдобавок прокомментировать с журналистской точки зрения. Но есть в нашей стране такие политические деятели, которые подходят безответственно к подготовке публичных выступлений и говорят то, что они действительно хотят сказать, из-за чего нередко возникают казусы, в таком случае журналисту даже не нужно прилагать усилий для интерпретации сказанного.

Приклеивание или навешивание ярлыков. Для усиления негативной окраски того или иного образа используются оскорбительные речевые фигуры, которые порочат личность, а следовательно и всю его деятельность.

Манипулятивная семантика. Изменение смысла слов и понятий. Данный метод основывается на конструировании обрывков в совершенно новый материал. При анализе составных частей такого «сконструированного» сообщения ложных посылок не обнаруживается, но в целом – ничего общего с действительностью. Данное явление принято считать болезнью, а Фукидид в свое время назвал это «коррупцией языка»⁷⁷.

---

77 Юрьев А. Выборы глазами политического психолога // Власть.- 1996. -№4. –С.56.

Использование пугающих тем и сообщений. Эффект данного приема заключается в том, что страх сплачивает членов группы и сами группы между собой. Чтобы этот метод работал наиболее эффективно, необходимо выбрать действенную угрозу связанную, например, с жизнью, здоровьем или имуществом, предложить инструкции по избеганию угрозы и поддерживать веру аудитории в ее существование. Также в качестве угрозы может быть выбрана «угроза изменений».

Группа методов «использование референтных групп». Данный метод основывается на использовании доверия граждан к определенной группе людей в корыстных интересах. То есть не нужно заручаться поддержкой объекта манипуляции, они уже доверяют референтным группам, которые сформируют у них нужное отношение к той или иной информации. К референтным группам может быть и отрицательное отношение, если они вызывают подозрение, и все объекты к которым они относятся положительно, в обществе вызывают отрицательную реакцию.

Мнимый выбор. Суть метода заключается в представлении аудитории несколько разных точек зрения, но только одна описывается в выгодном свете как наиболее предпочтительная. Описание строится таким образом, что включает в себя характеристики и за, и против, чтобы избежать критики, оценки также дозируются, чтобы выглядеть правдоподобно, таким образом, все факты подобраны так, чтобы человек без сомнения сделал единственный правильный выбор.

Замена источника сообщения. Этот метод применяется для регулирования уровня доверия к источнику информации. То есть для уменьшения доверия к тому или иному факту, ему приписывается источник, не пользующийся доверием и наоборот.

Комментарии. Информация носит не только фактический характер, но сопровождается комментарием, с интерпретацией и оценкой, но не в классическом смысле, а через интонации, многозначительные паузы, выражение лица, направляя мысли человека в необходимом направлении.

Удушить в дружеских объятиях. Заинтересованные в провале какого-либо политического деятеля начинают не топить его, а наоборот превозносить, наделяя качествами, которыми он не обладает. Жертва таким образом самоликвидируется, пребывая в уверенности своего превосходства, а оппоненты в это время начинают борьбу.

Осмеяние. Особенностью данного метода является то, что воздействие в юмористической форме снижает защитные барьеры таким образом, что критика и негативное воздействие могут пройти в сознание человека.

Анонимный авторитет. Обращение к «авторитету» относится к методам «серой» пропаганды. Имя авторитета не сообщается ни при каких обстоятельствах, но вся используемая информация озвучивается со ссылкой на его влиятельность, что придает информации солидность и вес для рядовых граждан. А поскольку источник не назывался, журналисты не несут ответственности за ложную информацию.

Инициирование информационной волны. Данный метод носит пропагандистский характер и направлен на привлечение внимания к определенным событиям, которые нередко такого внимания не заслуживают. Конечной целью данного приема является запуск межличностного коммуницирования на искусственно поднятую в СМИ проблему, что называется «вторичной» информационной волной.

Постановка риторических вопросов или распускание слухов. СМИ считается одним из главных источников слухов, поскольку именно они всегда в курсе необходимой обществу информации. Перед аудиторией ставится интересующий их вопрос, но наделенный определенным контекстом, на который они сами должны ответить.

Нейролингвистическое программирование (НЛП). Особенностью данного метода является то, что он может быть использован как для манипулирования, так и для борьбы с ним. НЛП пользуется тем, что многие люди не пользуются собственным интеллектом, а значит ими воспользуется кто-то другой. Воздействие может быть оказано на 3 репрезентативные системы человека:

визуальную, аудиальную и кинестическую. Примером случит ориентация телевидения на визуальную систему, радио на аудиальную, пресса на кинестическую. Опасность данного метода заключается во влиянии не только на сознание человека, но и на подсознание и проявляются в физиологических нарушениях.

Стереотип является одной из разновидностей психического автоматизма, содержащий в себе процессуальные характеристики, паттерны будущего физического или ментально действия. Стереотипы являются некими «фильтрами» в сознании человека для того, чтобы не тратить время на обдумывание похожей ситуации, чем активно пользуются манипуляторы⁷⁸.

Уолтер Липпман считал, что стереотипы являются самым тонким и обладающим исключительной силой инструментом манипулирования.

Проблема, по его мнению, состоит в том, что мы узнаем о предмете до того как сами с ним столкнемся, и в дальнейшем руководствуемся уже не реально возникшими ощущениями, а теми, что пассивно отложились в сознании⁷⁹.

В рамках международных политических конфликтов следует говорить о более узком феномене - этнокультурном стереотипе, который ввиду своей массовости влияет на международное восприятие наций.

Отличительной чертой этнокультурного стереотипа является активное изменение уже существующих культурных паттернов с целью формирования предвзятого отношения к тому или иному народу. Межкультурное восприятие формируется путем идеологизации и пропаганды средствами массовой коммуникации.

Успех формирования этнических стереотипов объясняется зачастую полным отсутствием или крайне ограниченной возможностью личного контакта с представителями наций, на основании которого можно было бы сформировать свое собственное представление о целом народе. Таким образом, именно международные конфликты и военные действия становятся катализатором для

---

⁷⁸ Кара-Мурза С. Указ. соч. – С.135.

⁷⁹ Кара-Мурза С. Указ. соч. – С.135.

создания или трансформации существующих установок международных сообществ. Именно степень актуальности темы межэтнического восприятия, уровень предвзятости и предубежденности в массах прямо пропорциональна объему и качеству манипулятивного воздействия.

Именно поэтому еще одной важнейшей частью политического манипулирования является непрерывное создание информационных поводов, чтобы необходимая информация не затерялась в нескончаемом потоке информации, о том, что выгодно манипулятору должны говорить и помнить, разнося молву в массы.

Таким образом, политическое манипулирование вытекает из конкурентной сущности политики, что заставляет разрабатывать технологии для поддержания длительного доминирования и удержания системы политического управления.

Для этой цели разрабатываются целые стратегии ведения информационного воздействия на массы, которые будут сформулированы после анализа дискурса стран в условиях международных политических конфликтов.

Глава 3. Информационные стратегии участников международных политических конфликтов

3.1. Номинация сторон международных политических конфликтов

В соответствии с обозначенными во введении положениями, в данном параграфе будут проанализированы материалы средств массовой информации России, Соединенных Штатов Америки и Израиля опубликованные странами в медиапространстве во время эскалации Осетинского и Сирийского конфликтов на микро- и макроуровнях. Под микроуровнем подразумевается анализ лексических особенностей воздействия, под макроуровнем – стратегии стран при освещении международных политических конфликтов.

Прежде всего, следует отметить, что в первые три дня грузино-осетинского конфликта, западными СМИ был создан информационный барьер, намеренное умалчивание о фактах агрессии Грузией территории Южной Осетии. Подобная слаженная работа зарубежных изданий была отмечена В.В. Путиным на заседании Валдайского клуба⁸⁰.

Выбранная тактика утаивания ведения военных действий с грузинской стороны, позволила преподнести защитные действия России по отношению к осетинскому народу как захватнические. Внимание было акцентировано на вторжении Российских войск на территорию Осетии.

Подобная стратегия позволила создать позитивный образ Грузии, как маленькой страны отстаивающей свои демократические интересы и подавляемой агрессивной Россией, образ которой приобрел, очевидно, негативную окраску.

Помимо информационных барьеров и утаивания информации имел место прием искажения информации или дезинформирования. Как отмечалось ранее

---

⁸⁰ Правительство Российской Федерации, «В.В.Путин встретился с членами международного дискуссионного клуба «Валдай», 11.09.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.government.ru/docs/1897/> (дата обращения: 01.05.2016).

после утаивания информации о начале конфликта, публикации были направлены на создание агрессивного образа России. Например, «И как удачно Россией был выбран момент [для нападения на Грузию]! Олимпийские игры, никто не думает о политике. В США выборы, внутривластные дела поглощают все внимание»⁸¹.

В результате исследования американских, российских и израильских медиа-источников в рамках грузино-осетинского конфликта были сформированы следующие тематические блоки:

- характеристика Грузии как объекта;
- характеристика Грузии как субъекта;
- характеристика России как объекта;
- характеристика военных действий на территории грузино-осетинского конфликта в целом;
- позиции США и Евросоюза по исследуемому конфликту.

Рассмотрим каждый тематический блок отдельно.

Касательно описания Грузии, как объекта военных действий, позиция американских СМИ однозначна: Грузия – жертва. Данный вывод сделан на основании следующих высказываний, которыми была переполнена каждая публикация:

«...Михаил Саакашвили попал в западню Москвы...»⁸²;

«...Кремль измывался и шантажировал своих соседей...»⁸³;

«Путин использовал «метод большой лжи», обвинив Грузию в «полном геноциде»⁸⁴;

«Несчастье Грузии в том, что оказалась на линии нового геополитического разлома»⁸⁵;

⁸¹Official Statements on Russia-Georgia Conflict. Mikhail Saakashvili and Mikhail Gorbachev - SRAS - The School of Russian and Asian Studies, 11.09.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sras.org/statements_on_russia_georgia_conflict_3. (дата обращения: 01.05.2016).

⁸²The New York Times, «Russia's War of Ambition», 12.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2008/08/12/opinion/12tue1.html> (дата обращения: 01.05.2016).

⁸³Там же.

⁸⁴«Может быть, на этот раз Запад увидит истинное лицо Владимира Путина» («The Washington Post», США, 11.08.2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20080811/243107.html>

⁸⁵«Путин делает свой ход» («The Washington Post», США, 11.08.2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20080811/243126.html> (дата обращения: 01.05.2016).

«...его поистине монументальной ошибкой было то, что он стал президентом маленькой, в основном демократической и решительно прозападной страны»⁸⁶ ;

«Реальность такова, что давление оказывает не маленькая Грузия, а Россия»⁸⁷;

«Грузия заслуживает нашей солидарности и поддержки, акция по помощи Тбилиси в восстановлении»⁸⁸ ;

«...попытка обвинить во всем жертву: начались разговоры, что Грузия сама напросилась»⁸⁹;

«Грузия не пожелала быть вассалом...»⁹⁰

«Бросить Грузию и ее хрупкую демократическую «революцию роз» в беде - значит подать страшный сигнал другим бывшим советским республикам...»⁹¹

«...если речь идет о довольно бедной стране с населением в 4,6 миллиона человек»⁹²;

«Маленькие нации обязаны знать свое место...»⁹³;

«Русские легко могли бы вышвырнуть грузин...»⁹⁴

Созданный образ коррелирует с высказываниями американских СМИ о действиях Грузии, а точнее об отсутствии альтернативного варианта проявления силы:

«Грузия отреагировала на провокационные атаки южноосетинских сепаратистов...»⁹⁵;

«Грузия не хотела войны, вела стратегию мягкого влияния...»⁹⁶;

---

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ «Переломный момент для черноморского региона» («The Washington Post», США, 11.08.2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20080811/243118.html>(дата обращения: 01.05.2016).

⁸⁹ «Вторжение продолжается» («The Washington Post», США, 12.08.2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20080812/243150.html>(дата обращения: 01.05.2016).

⁹⁰ Там же.

⁹¹ «Остановить Россию» («The Washington Post», США, 11.08.2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20080811/243140.html>(дата обращения: 01.05.2016).

⁹² Там же.

⁹³ «Жестокость для наглядности» («The Washington Post», США, 12.08.2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20080812/243156.html>(дата обращения: 01.05.2016).

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ «Переломный момент для черноморского региона» («The Washington Post», США, 11.08.2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20080811/243118.html>(дата обращения: 01.05.2016).

⁹⁶ Там же.

«Стычки и обстрелы грузинских сел, побудившие президента Грузии начать наступление...»⁹⁷.

Действия, спровоцировавшие Грузию к ответным мерам, характеризовались исключительно как агрессия, наступление, захват, «хорошо спланированное нашествие»⁹⁸, «полномасштабное вторжение»⁹⁹.

Следует обратить внимание на то, что перечисленные выше характеристики военных действий приписывались исключительно России. На протяжении всех публикаций в американских СМИ они трактуются исключительно как «агрессивное военное нападение на независимое демократическое государство с целью захвата территории и сохранения гегемонии на Кавказе»¹⁰⁰.

Помимо этого, особенно акцентируется внимание на том, что именно Россия выступила инициатором и даже провокатором конфликта в целом¹⁰¹.

«...российские бомбардировщики начали поразительные военные действия...»¹⁰²;

«Москва вторглась, развязала войну...»¹⁰³.

Любые миротворческие действия России называются «фальшивыми с претензией на сочувствие», а защита своих граждан на территории чужой страны заблаговременно продумана. Шаг с выдачей паспортов, по мнению США, был спланирован с той лишь целью, чтобы заручиться поддержкой ООН.

⁹⁷ «Остановить Россию» («The Washington Post», США, 11.08.2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20080811/243140.html> (дата обращения: 01.05.2016).

⁹⁸ The New York Times, «In Georgia Clash, a Lesson on U.S. Need for Russia», 09.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2008/08/10/world/europe/10diplo.html> (дата обращения: 01.05.2016).

⁹⁹ «Переломный момент для черноморского региона» («The Washington Post», США, 11.08.2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20080811/243118.html> (дата обращения: 01.05.2016).

¹⁰⁰ «Остановить Россию» («The Washington Post», США, 11.08.2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20080811/243140.html> (дата обращения: 01.05.2016).

¹⁰¹ The New York Times, «In Georgia Clash, a Lesson on U.S. Need for Russia», 09.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2008/08/10/world/europe/10diplo.html> (дата обращения: 01.05.2016).

¹⁰² The New York Times, « Georgia and Russia Nearing All-Out War », 10.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2008/08/10/world/europe/10georgia.html>

¹⁰³ «Переломный момент для черноморского региона» («The Washington Post», США, 11.08.2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20080811/243118.html> (дата обращения: 01.05.2016).

На основании подобных суждений, американские издания провели аналогию между действиями России и нацистской Германии.

Истинными же целями называется свержение «презираемого Путиным» и «непослушного» Саакашвили, с перспективой на поддержку нового кандидата в президенты Грузии, который был бы подотчетен и выгоден для Москвы¹⁰⁴.

Свои же главные цели и цели Европейского Союза Соединенные Штаты описывают как «защита истинно демократического государства [Грузии]», противостояние «российскому террору». В анализируемых материалах говорится о том, что США должны прекратить нападения России на Грузию и ввести собственные миротворческие войска для достижения перемирия на территории конфликта¹⁰⁵, при этом миротворческие силы России называются «фальшивыми, с претензией на сочувствие». Особенно подчеркивается, что военное вмешательство Запада исключено.

Освещение грузино – осетинского конфликта в российских СМИ велось с позиции защиты интересов своих граждан, соответственно образ российских войск носил миротворческий характер. Это подтверждается тем, что любое упоминание о военном присутствии России на территории конфликта описывалось с использованием данного уточнения:

«Наши миротворцы остаются единственным твердым гарантом мира...»¹⁰⁶;

«...безопасность миротворческих сил и гражданского населения восстановлена, агрессор наказан...»¹⁰⁷;

«...увеличить число российских миротворцев в зоне конфликта»¹⁰⁸;

---

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ «Может быть, на этот раз Запад увидит истинное лицо Владимира Путина» («The Washington Post», США, 11.08.2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20080811/243107.html> (дата обращения: 01.05.2016).

¹⁰⁶ Российская Газета, «Цхинвал ночных атак», 08.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html> (дата обращения: 01.05.2016).

¹⁰⁷ Российская газета, «Дмитрий Медведев принял решение о завершении операции по принуждению Грузии к миру», 12.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2008/08/12/medvedev-operaci-anons.html> (дата обращения: 01.05.2016).

¹⁰⁸ Российская Газета, «Дымовая завеса», 08.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html> (дата обращения: 01.05.2016).

«Российские миротворцы приступили к операции по принуждению грузинской стороны к миру...»¹⁰⁹;

«Мы начали оказывать медицинскую и гуманитарную помощь пострадавшим»¹¹⁰;

«...принятия Россией решения поддержать наш миротворческий контингент...»¹¹¹;

«...когда речь идет о сохранении жизни жителей Южной Осетии, среди которых большинство граждан России, Москва должна предпринимать любые действия»¹¹²

«Россия же всегда играла «весьма позитивную, стабилизирующую роль» на Кавказе, будучи гарантом безопасности и сотрудничества в регионе...»¹¹³

«...действия России абсолютно легитимны...»¹¹⁴

«Речь идет о судьбе наших граждан, и мы все за них в ответе»¹¹⁵

«Россия присутствовала и присутствует на территории Грузии на абсолютно законных началах, исполняя свою миротворческую миссию...»¹¹⁶

Помимо этого, в российских СМИ отражен твердый настрой государства на успешное урегулирование конфликта дипломатическим путем с наименьшими потерями каждой из сторон:

«...главной своей задачей мы считали и считаем сохранение мира...»¹¹⁷;

---

¹⁰⁹ Российская Газета, «Огнем и мячом», 08.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016).

¹¹⁰ Российская Газета, «Мы были максимально терпеливы», 08.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016).

¹¹¹ Там же.

¹¹² Российская Газета, «Геностыд», 11.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016).

¹¹³ Российская Газета, «За Цхинвали», 11.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016)

¹¹⁴ Там же

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Российская Газета, «Мы не допустим безнаказанной гибели наших соотечественников», 09.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016)

¹¹⁷ Там же.

«...война никому не нужна. Надеюсь, этот призыв будет услышан и другими странами...»¹¹⁸;

«Россия продолжит терпеливый поиск путей выхода из грузино-югоосетинского конфликта на всех уровнях...»¹¹⁹;

«...российский дипломат совершил невозможное...»¹²⁰;

«Россия не раз помогала гасить конфликты на этой земле...»¹²¹;

Однако со временем дискурс значительно изменился с призыва на принуждение к миру:

«...наши усилия мирно погасить конфликт, как видим, не сработали...»¹²²;

«...часть операции по принуждению Грузии к миру в Южной Осетии...»¹²³;

В публикациях стали звучать заявления об агрессии Грузии «Агрессора необходимо одернуть...»¹²⁴ и возможности применения военной силы для достижения своих миротворческих целей: «...мы будем понуждать Грузию к миру, вплоть до военных методов...»¹²⁵.

Агрессивные действия Грузии как объекта конфликта не была голословной и подкреплялась не только методами ведения боя, но и конкретными человеческими жертвами противников¹²⁶, со ссылками на «достоверные источники», которые не уточнялись. Отдельно можно выделить тему обстрела мирных городов, в которых проживают в частности российские

¹¹⁸ Российская Газета, «Олимпийское беспокойство», 08.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016)

¹¹⁹ Российская Газета, «За минуты до полуночи», 09.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016)

¹²⁰ Российская Газета, «Цхинвал ночных атак», 08.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016).

¹²¹ Российская Газета, «Мы были максимально терпеливы», 08.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016).

¹²² Там же.

¹²³ Российская Газета, «Дмитрий Медведев: Цхинвали взят под контроль российскими миротворцами», 01.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2008/08/11/medvedev-chinvali-anons.html>(дата обращения: 01.05.2016).

¹²⁴ Российская Газета, «Дымовая завеса», 08.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016).

¹²⁵ Российская Газета, «Мы были максимально терпеливы», 08.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016).

¹²⁶ Российская Газета, «Мы не допустим безнаказанной гибели наших соотечественников», 09.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016)

граждане, убийства женщин и детей, а также «охоты» грузинских снайперов на корреспондентов и телеоператоров¹²⁷.

Следствием данной политики стала потеря «кредита доверия Грузии»¹²⁸, а политика Грузии стала характеризоваться как непоследовательная, а поведение Саакашвили неадекватным, лживым и политически нечистоплотным¹²⁹.

С точки зрения российского правительства подобное поведение грузинского президента, противоречащее фактическим действиям, спровоцировало Россию на переход к оборонительным действиям, направленным на защиту угнетаемого народа. При этом Владимир Путин просил не уподоблять поведению Грузии и не допустить, чтобы «братский народ [Грузии]», легально находящийся в России не испытал притеснений.

В данных обстоятельствах Россия была вынуждена признать необходимость максимально жестких ответных действий¹³⁰. в качестве «наказания» за гибель наших соотечественников.

Что касается образа Евросоюза, он позиционируются как союзник и покровитель¹³¹, а США предстает перед аудиторией в качестве «инструктора грузинской армии, которые прошли школу войны в Афганистане и Ираке»¹³².

Так с российской стороны прозвучал упрек в сторону Америки в связи с отсутствием внимания к количеству убитых граждан России, проводя аналогию с терактом 11 сентября, когда Россия была одной из первых, кто выразил свои соболезнования американскому народу¹³³.

---

¹²⁷ Российская Газета, «Геностыд», 11.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016).

¹²⁸ Российская Газета, «Над пропастью из лжи», 09.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016).

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Российская Газета, «Геностыд», 11.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016).

¹³¹ Российская Газета, «Над пропастью из лжи», 09.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016).

¹³² Российская Газета, «Цхинвал ночных атак», 08.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016).

¹³³ Российская Газета, «Геностыд», 11.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016).

Также, несмотря на отрицание Соединенных Штатов участия в военных действиях на территории конфликта, Россию заинтересовала цель ежедневных полетов 4-х грузовых самолетов американской компании из аэропорта Акабы в Тбилиси¹³⁴.

Таким образом, мы можем отметить, что российский дискурс основной своей массой строится на фактах, а не лингвистических средствах языка.

Несмотря на подготовку израильскими военными грузинской армии, поставки в Израиль новейшего оружия отрицательно сказались на дипломатических и экономических отношениях Израиля и России. Однако, несмотря на некоторую напряженность, израильский дискурс можно назвать нейтральным по отношению ко всем участникам конфликта. Следует отметить, что в период грузино-осетинского конфликта медиа Израиля акцентировали внимание на экономических последствиях и будущих отношениях со своими партнерами.

Так во избежание накала отношений с Россией, израильские СМИ сообщали, что фирмы сотрудничавший с Грузией в сфере военной промышленности, покинули территорию конфликта до начала активных военных действий¹³⁵. Помимо этого, Израиль был обеспокоен тем, как конфликт в Грузии «ужалит немало израильских компаний», а «неопределенность экономики России создаст неблагоприятный климат для инвестиций»¹³⁶.

Интересен тот факт, что на протяжении всего периода эскалации конфликта на территории Грузии, в публикациях с израильской стороны не звучали оценки действий любой из сторон конфликта или призывы к его

---

¹³⁴Российская Газета, «Афганское дежавю», 12.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016).

¹³⁵Haaretz, «2 Israeli Firms Say They Left Georgia Before Fighting», 11.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.haaretz.com/2-israeli-firms-say-they-left-georgia-before-fighting-1.251540>(дата обращения: 01.05.2016).

¹³⁶Haaretz, «Keeping an Eye on Russia, and Investments», 11.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.haaretz.com/print-edition/business/keeping-an-eye-on-russia-and-investments-1.251490> (дата обращения: 01.05.2016).

урегулированию. Тем более не представляется возможным обнаружить осуждение чьей-либо политики.

Любые сообщения о событиях, происходящих в зоне конфликта, делались со ссылками на грузинские власти, заявления МИДа России, посла Израиля в России, российский информационные агентства. Также, во избежание публикации недостоверной информации и обострения отношений с любой из стран, сообщения намеренно строились с акцентом на недостоверность информации и, в случае невозможности ссылки на источник сообщения, неуверенность в полученных данных:

«Пока неизвестно, приведет ли это..»;

«Информация уточняется»;

«Дополнительные подробности в настоящее время не сообщаются»¹³⁷.

Что касается освещения «Второй холодной войны» между Россией и США, по мнению экспертов, информационное противостояние привело к «кристаллизации позиций РФ и США по ряду ключевых вопросов современной политики», а информационное воздействие на собственную аудиторию стало одним из важных проявлений обострения отношений между этими государствами¹³⁸.

Позиция США в медиа-пространстве относительно сирийского конфликта в целом и начала военной операции России на территории конфликта в частности, можно назвать неоднозначной. Отсутствие возможности осудить борьбу Российских войск с терроризмом, по объективным причинам, не позволяла средствам массовой информации позиционировать образ России как врага. Таким образом, в дискурсе отсутствуют такие характеристики, как «агрессия» или «нападение», а используются более нейтральные: «вылазка», «ввод войск», «маневры».

137[□]«Newsru.co.il», «Грузия вывела войска из Южной Осетии», 10.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://www.newsru.co.il/world/10aug2008/georg8008.html> (дата обращения: 01.05.2016).

138[□]ГАГИК АРУТЮНЯН Особенности военного конфликта вокруг Южной осетии // 21-й век. 2008. №2 (8). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-voennogo-konflikta-vokrug-yuzhnoy-osetii> (дата обращения: 01.05.2016).

Для поддержания информационного противостояния внимание от характеристики военных действий было приковано преследуемым Россией стратегическим целям. По мнению Соединенных Штатов, «Россия воюет не с ИГИЛ», а «хочет усилить сирийского президента Башара аль-Асада, ведущего войну с другими повстанческими группировками»¹³⁹, вследствие чего, «Пентагону стоит опасаться, что Москва развернула эту технику для того, чтобы противодействовать коалиции во главе с США»¹⁴⁰. Другой причиной активизации российских войск на территории Сирии было названо желание России «отвлечь внимание США и Европы от той гуманитарной катастрофы, которую Путин создал на востоке Украины»¹⁴¹ ради последующего снятия санкций. Кроме того, высказывались предположения о том, что военные действия под предлогом борьбы с терроризмом направлены на восстановление российской позиции в мире или попыткой Путина сохранить власть.

Также в американском дискурсе явно прослеживается попытка усомниться в военной силе России, ради того, чтобы мировое сообщество усомнилось в возможности успешного завершения операции:

«Действия России не столь блестящи, как их представляют»¹⁴²;

«...не обладает достаточной военной мощью, чтобы оказывать реальное влияние на Ближнем Востоке»¹⁴³;

«...у нее на вооружении по-прежнему состоит устаревшая боевая техника...»¹⁴⁴;

«...ограниченный российский авиационный контингент...»¹⁴⁵;

139[□]«Российские военные вряд ли переломят ситуацию в Сирии» («The Washington Post», США, 06.10.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20151006/230654107.html> (дата обращения: 01.05.2016).

140[□]Там же.

141[□]«Демонстрация путинской силы» («The Washington Post», США, 28.09.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/russia/20150928/230506763.html> (дата обращения: 01.05.2016).

142[□]«На чьей стороне США в Сирии?» («The Washington Post», США, 02.10.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20151002/230589827.html> (дата обращения: 01.05.2016).

143[□]«Демонстрация путинской силы» («The Washington Post», США, 28.09.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/russia/20150928/230506763.html> (дата обращения: 01.05.2016).

144[□]«Российские военные вряд ли переломят ситуацию в Сирии» («The Washington Post», США, 06.10.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20151006/230654107.html> (дата обращения: 01.05.2016).

145[□]Там же.

«...вклад Москвы в эту войну вряд ли станет решающим...»¹⁴⁶

Однако критикуя стратегические цели России и возможность их достижения, в официальном дискурсе Америки акцентируется внимание на «некорректной стратегии» правительства, «беспомощности» Запада и вынужденном признании успеха российских действий, однако лишь по той причине, что «мы [Соединенные Штаты] там полностью отсутствовали»¹⁴⁷.

«...телевидение постоянно вещает о беспомощности Европы и о развращенности Америки...»¹⁴⁸;

«...не могут сами обеспечивать стабильность в иностранном государстве...»¹⁴⁹;

«Соединенные Штаты не смогли организовать победоносную стратегию в отношении Исламского государства. Возможно, нам следует позволить российскому президенту Владимиру Путину предпринять свою попытку»¹⁵⁰;

«Русские смогли превратить оборонительную позицию в наступательную, потому что мы там полностью отсутствовали»¹⁵¹;

«...американская стратегия нуждается в «корректировке»¹⁵²;

«С учетом всех этих провалов американской политики...»¹⁵³;

«Соединенные Штаты разбираются со своими провалами в Сирии и в Ираке в борьбе с Исламским государством»¹⁵⁴;

«...интервенция России является опасным сигналом, указывающим на слабость США»¹⁵⁵.

---

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ «США не могут переложить Сирию на Путина» («The Washington Post», США, 01.10.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20151001/230553564.html> (дата обращения: 01.05.2016).

¹⁴⁸ «Демонстрация путинской силы» («The Washington Post», США, 28.09.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/russia/20150928/230506763.html> (дата обращения: 01.05.2016).

¹⁴⁹ «США не могут переложить Сирию на Путина» («The Washington Post», США, 01.10.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20151001/230553564.html> (дата обращения: 01.05.2016).

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ «Почему нельзя допускать Путина к борьбе с ИГИЛ» («The Washington Post», США, 07.10.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20151007/230678125.html> (дата обращения: 01.05.2016).

В соответствии с отсутствием у Соединенных Штатов и Европы плана альтернативного Российскому, говорится о том, что на фоне России «Вашингтон и Запад совершенно запутались»¹⁵⁶.

Таким образом, ввиду неуверенной позиции, Америке приходится «отойти в сторону», пока Россия наносит удары по формированиям, которые они укомплектовали и обучили в борьбе с «Исламским государством» и мы молча соглашаемся»¹⁵⁷, что подрывает их доверие и авторитет в мире.

Интересен тот факт, что на протяжении всего американского дискурса, в рамках анализируемого периода, отсутствуют какие-либо высказывания относительно сирийского народа и ущерба нанесенного в результате бомбардировки территории Сирии.

Основной темой официального российского дискурса была аргументация принятого решения о начале военных действий на территории Сирии. На основании заявлений первых лиц государства, цели России можно сформулировать следующим образом:

- Борьба с терроризмом

Помимо акцента на серьезности данной проблемы, было отмечено, что борьбу с террористами необходимо вести на территории уже подконтрольной боевикам «...бороться и уничтожать боевиков и террористов на уже захваченных ими территориях, не ждать, когда они придут в наш дом...»¹⁵⁸, «...лучше это делать за границей, чем бороться с терроризмом внутри страны»¹⁵⁹.

не раз отмечался тот факт, что Россия соблюдает нормы международного права «...с терроризмом, конечно, бороться надо, надо объединять усилия, но при

156[□]«На чьей стороне США в Сирии?» («The Washington Post», США, 02.10.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20151002/230589827.html>(дата обращения: 01.05.2016).

157[□]«Почему нельзя допускать Путина к борьбе с ИГИЛ» («The Washington Post», США, 07.10.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20151007/230678125.html> (дата обращения: 01.05.2016).

158[□]Российская Газета, «Путин: Нельзя ждать, когда боевики придут в наш дом», 30.09.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2015/09/30/putin-anons.html>(дата обращения: 01.05.2016).

159[□] Российская Газета, «Медведев: С помощью операции в Сирии мы защищаем россиян», 03.10.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2015/10/03/medvedev-anons.html> (дата обращения: 01.05.2016).

этом необходимо соблюдать нормы международного права...»¹⁶⁰. Также особенно подчеркивается, что действия России носят исключительно превентивный характер.

- Защита национальных интересов

На этот счет в средствах массовой информации звучали заявления Путина, Иванова «Решение об использовании российских Вооруженных сил за рубежом связано не с удовлетворением амбиций, а с защитой национальных интересов России»¹⁶¹, «Речь идет не о достижении каких-либо внешнеполитических целей, удовлетворении каких-либо амбиций, в чем нас регулярно обвиняют, речь идет исключительно о национальных интересах РФ»¹⁶²; Матвиенко «Мы исходили из того, что в первую очередь это в интересах национальной безопасности России...»¹⁶³;

Баталиной «Решение Путина о воздушной военной операции в Сирии - это решение миротворца, защищающего свой народ. Президент думает о своей стране, о людях <...> с каждым днем растет число тех россиян и граждан стран СНГ, которые примыкают к «ИГ», а потом возвращаются на российскую территорию «далеко не с мирными целями»¹⁶⁴ ; Сергея Неверова «либо мы будем бороться с терроризмом на территории других стран, либо будем кормить беженцев из Сирии и пресекать угрозы уже на своей земле...»¹⁶⁵

- Помощь сирийской армии

---

¹⁶⁰ Российская Газета, «Иванов об операции в Сирии: Речь о национальных интересах РФ», 30.09.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2015/09/30/ivanov-anons.html>(дата обращения: 01.05.2016).

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Российская Газета, «Матвиенко: «ИГ» необходимо задавить на корню», 30.09.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2015/09/30/matvienko-site.html>(дата обращения: 01.05.2016).

¹⁶⁴ Российская Газета, «Госдума: Операция в Сирии - в интересах нашей страны», 30.09.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2015/09/30/operacia-syria-site.html>(дата обращения: 01.05.2016).

¹⁶⁵ Российская Газета, «Госдума: Операция в Сирии - в интересах нашей страны», 30.09.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2015/09/30/operacia-syria-site.html>(дата обращения: 01.05.2016).

«...русское правительство приходит на помощь сирийской армии, <...> это очень помогает сирийской армии, чтобы сохранять страну»¹⁶⁶;

«...спасение жителей Сирии и устранение угрозы целостности и суверенитету республики»¹⁶⁷;

«Мы не могли в этой ситуации отказать президенту Сирии Башару Асаду и дальше смотреть, как погибают люди, как погибают женщины, дети, как разрушаются памятники культуры»¹⁶⁸.

- Защита международных интересов

«...борьба с «Исламским государством» - это борьба с международным терроризмом...»¹⁶⁹

«...сегодня эту гидру не задавить на корню там, где она воюет, если сегодня не разгромить «Исламское государство», возможна угроза всему миру, угроза «расползания» ИГИЛ в другие государства, вплоть до Европы и России»¹⁷⁰

«Единственно верный путь борьбы с международным терроризмом - действовать на упреждение»¹⁷¹

Что касается предположений иностранных государств о том, то Россия преследует свои экономические интересы, Дмитрий Медведев сообщил, что у России, безусловно, «есть экономические отношения и с Сирией, и с другими арабскими странами, однако каких-то сверхъестественных экономических интересов нет»¹⁷².

¹⁶⁶ Российская Газета, «Сирия подтвердила, что запрашивала военную помощь у России», 30.09.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2015/09/30/pomosh-site-anons.html>(дата обращения: 01.05.2016).

¹⁶⁷ Российская Газета, «Матвиенко: «ИГ» необходимо задавить на корню», 30.09.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2015/09/30/matvienko-site.html>(дата обращения: 01.05.2016).

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Российская Газета, «Госдума: Операция в Сирии - в интересах нашей страны», 30.09.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2015/09/30/operacia-syria-site.html>(дата обращения: 01.05.2016).

¹⁷⁰ Российская Газета, «Матвиенко: «ИГ» необходимо задавить на корню», 30.09.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2015/09/30/matvienko-site.html>(дата обращения: 01.05.2016).

¹⁷¹ Российская Газета, «Путин: Нельзя ждать, когда боевики придут в наш дом», 30.09.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2015/09/30/putin-anons.html>(дата обращения: 01.05.2016).

¹⁷² Российская Газета, «Точно в цель», 03.10.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2015/10/05.html> (дата обращения: 01.05.2016).

Отдельного внимания заслуживает призыв всех стран мира к сотрудничеству с Россией для наиболее эффективной борьбы с угрозой мирового масштаба, несмотря на возможные разногласия между странами по другим вопросам.

«...мы верим в коллективные действия, в совместную работу государств, которая опирается на международное право...»

Однако было отмечено, что несмотря на участие в военных действиях многих государств, они действуют в обход международного права, в отличие от России.

Безусловно, основной акцент был сделан на налаживании отношений с США, которые впервые за последние годы стали характеризоваться как «черно-белые». На протяжении всего анализируемого материала подчеркивалось стремление России наладить отношения с Соединенными Штатами и готовность идти навстречу.

«...мы налаживаем сейчас контакты между нашими специальными службами, между нашими и спецслужбами США, между военными министерствами - между минобороны и Пентагоном»¹⁷³;

«...мы рекомендовали вывести из региона всех инструкторов и советников, а также тех ценных специалистов, которые готовились на деньги американских налогоплательщиков...»¹⁷⁴

«Обама и Путин полностью понимают друг друга, но по каким-то причинам это не всегда приводит к конкретным совместным действиям»¹⁷⁵

Таким образом, в российском дискурсе наблюдается четкое разграничение сторон конфликта в рамках концепции МЫ – ОНИ, с одной стороны «боевики, террористы, экстремисты», с другой – все мировое сообщество. Это позволяет не разграничивать отношения с разными странами в рамках дискурса о сирийском конфликте.

---

¹⁷³ Российская Газета, «Нужен обмен информацией по Сирии», 01.10.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2015/10/02.html> (дата обращения: 01.05.2016).

¹⁷⁴ Российская Газета, «Точно в цель», 03.10.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2015/10/05.html> (дата обращения: 01.05.2016).

¹⁷⁵ Российская Газета, «Лавров и Керри обменялись мнениями», 01.10.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2015/10/02.html> (дата обращения: 01.05.2016).

Необходимо отметить, что вопрос о начале военной операции России на территории Сирии практически не освещался в израильских СМИ. Изучив англо- и русско-язычные источники, удалось сделать вывод о том, что Израиль был обеспокоен лишь безопасностью своих территориальных границ. Именно этот вопрос стал главным на встрече премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху и президента России Владимира Путина, который и отложил отпечаток на израильский дискурс относительно ситуации в Сирии. В ходе переговоров обсуждалось сотрудничество и координация действий стран в воздушном пространстве, на море и в «электромагнитной сфере» в районе Сирии, с целью избежать нежелательного столкновения интересов по причине поддержки противоборствующих группировок.

Действия России хоть и встречали осуждение в дискурсе Израиля, но лишь по той причине, что Россия выступала за поддержку Башара Асада, что противоречило интересам Израиля. Несмотря на это, Россия не вошла в категорию «врагов», и даже встретила понимание проводимой политики. В официальном дискурсе образ России представлен как доминирующий на мировой арене по причине неуверенной политики США¹⁷⁶.

Таким образом, как и в рамках освещения грузино-осетинского конфликта, Израиль сохранил нейтралитет в отношении всех участников конфликта и акцентировал внимание лишь на вопросах собственной безопасности и интересов.

---

¹⁷⁶ «На фоне зигзагов США набирает обороты ирано-российская операция по спасению Сирии» («Haaretz», Израиль, 08.09.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20150928/230496688.html> (дата обращения: 01.05.2016).

3.2. Стратегии участников политических конфликтов

Итак, проанализировав медиапространство США, России и Израиля на микроуровне, представляется необходимым выделить коммуникативные стратегии, использованные странами.

В рамках исследования грузино-осетинского конфликта со стороны США применялась стратегия диффамации противника, то есть России, в дополнение к стратегии контраста путем противопоставления групп США – Грузия и Россия – Осетия.

Со стороны России очевидно применение психологизации действия, выраженной в стремлении защитить как граждан своей страны, так и угнетенные народы ради предоставления возможности их самоопределения. Ввиду специфики данной стратегии, в дополнение применялась стратегия натурализма описания военных действий, что, например, в формулировке «на территории государства-противника убито две тысячи наших граждан» оказывает невероятный манипулятивный эффект. Для достижения максимального воздействия данное сообщение дополнялось демонизацией противника, как мы могли видеть на примере Грузии, правительству которой приписывались факты убийства женщин и детей, «охоты» на репортеров и геноцида собственной нации. Для сравнения, в американском дискурсе стратегия натурализма также применялась, но носила «сухой стиль изложения», что снижало эмоциональный уровень восприятия и преподносилось как проверенная статистическая информация.

Интересны стратегии США по отношению к своему союзнику Грузии во время конфликта на территории Южной Осетии. Ради создания образа «жертвы» в американском дискурсе были использованы стратегии инфантилизации и мизеризации своего союзника, однако, как упоминалось ранее, столкнулись с противодействующей демонизацией действий Грузии в российском дискурсе.

На примере конфликта в Сирии, а именно международной антитеррористической операции, мы выявили использование стратегии глобализации как со стороны России, так и Соединенных Штатов.

Отдельного внимания заслуживает тактика Израиля в рассматриваемых конфликтах. На протяжении всего дискурса, затрагивались исключительно интересы данного государства и последствия для страны в результате действий конфликтующих сторон, от которой Израиль был дистанцирован. Единственный акцент, который прошел сквозь все публикации – сохранение, как внутренней стабильности Израиля, так и позиций на международной арене. Также израильские медиа не давали каких-либо оценок противоборствующим государствам, даже несмотря на факт их сотрудничества с противниками самого Израиля. Примером может послужить отсутствие осуждения в адрес России на основании ее сотрудничества с правительством Башара Асада, против которого выступает Израиль. Также в израильском дискурсе не были обнаружены комментарии относительно характера взаимоотношений правительства США и Грузии в 2008 году. Акцент был сделан на сохранении стабильности рынка и недопущения конфликта ни с одной из противоборствующих стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, подводя итоги, необходимо отметить, что цель исследования была достигнута. На основании проведенного дискурс-анализа СМИ Соединенных Штатов Америки, России и Израиля, рассмотрели особенности медиадискурса на международной арене в условиях политического конфликта и выделили стратегии участников.

Мы классифицировали основные теории дискурса и выявили специфику международного медиадискурса с точки зрения политического манипулирования в условиях информационного противостояния. На основании интернет-публикаций крупнейших федеральных изданий выявили позиции стран и смоделировали стратегии стран при формировании конфликтного медиадискурса. манипулирования политического манипулирования как разновидности политической деятельности и определили наиболее эффективные приемы политического манипулирования.

В ходе изучения поставленной проблемы выяснилось наличие влияния политического манипулирования не только на сознание общества в рамках одного государства, но и на всю международную политическую систему. Возможность такого управления активно используется в современном информационном обществе, а главным и самым эффективным инструментом осуществления влияния являются СМИ, которые превращаются в отдельные политические институты, отвечающие за публичную передачу информации с помощью специального технического инструментария. Основным ресурсом СМИ является информация, управляя которой они способны изменять окружающую действительность. Например, если раньше, для того, чтобы изучить политическую ситуацию и принять какое-либо решение, гражданину необходимо было посещать собрания, выходить на митинги, покупать специализированную литературу, что требовало немалых усилий и намного больше времени, чем освещение всех событий в медиапространстве.

В качестве основных структурных элементов процесса информационного противостояния выступают субъект манипулирования или актор воздействия и объект манипулирования или адресат воздействия.

Значение манипулирования в масштабах международного медиапространства заключается в оказании влияния на военно-политическое превосходство и лидерство стран на международной арене, изменение информационной картины общества и трансформации как политического и экономического, так и социально-культурного международного пространства.

Следует признать, что использование манипулирования как способа ведения войны обусловлено конкурентной сущностью политики, стремлением как можно дольше оставаться мировой державой. Для выполнения данной цели используется огромное множество стратегий создания медиадискурса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Книги и периодические печатные издания

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание, Большой энциклопедический словарь / (Гл. ред. В.Н. Ярцева); 2-е изд. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 136-137;
2. Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. – М.: Лабиринт, 2000;
3. Бахтуридзе З. Манипуляции массами в полит процессе. – М.,2002. - С.19;
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: Аст, 2010. 177 с.;
5. Гуссерль Э. Логические исследования. Прологомены к чистой логике. – М.: Академический проект, 2011. Т. 1. 256 с.
6. Грамши А. Тюремные тетради. Том 1. – М.: Политиздат, 1991;
7. Грачев Г., Доценко Е. Психология манипулирования: феномены, механизмы и защита. – СПб.,2004;
8. Гречихин М. В. Современный русский медиадискурс: язык интолерантности // Гуманитарные исследования. – Астрахань: Астраханский государственный университет, 2008. № 2. – С. 27.;
9. Дилигенский Г. Социально-политическая психология. М.,1994;
10. Дугин А., Геополитика постмодерна. Времена новых империй. – Амфора, 2007. – С. 153.;
11. Дьякова Е.Г. и Трахтенберг А.Д. Проблема конструирования реальности в процессах массовой коммуникации: гипотеза «agenda-setting», - С. 142.
12. Ирхин Ю., Шарый В. «Актуальные проблемы политологии и политической психологии». – М., 1994;
13. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. –М.,2003;
14. Ковлер А. Основы политического маркетинга. – М.,1993;
15. Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного

- университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. №2 (73). Вып. 11. – С. 13-21.;
16. Кошелюк М. Технологии политических выборов. -2-е изд., перераб. И доп. – СПб., 2004;
17. Крылов И. Теория и практика рекламы в России. – М., 1996;
18. Крючкова Г.Б. Язык аполитики в работах ученых ГДР / Г. Б. Крючкова // Язык как средство идеологического воздействия. – М., 1983. – С. 59-75.;
19. Либики, М.С. What is Informational Warfare?/Либики М.С. – Вашингтон: Библиотека Конгресса. 1995.;
20. Липпман У. Общественное мнение. – Free Press 1965. – С. 158
21. Лозовский Б.Н. Кто и как манипулирует журналистами. Манипулятивные технологии влияния на средства массовой информации. – Екатеринбург: Издат-во Урал. Ун-та, 2011;
22. Манипулирование // Политология. Энциклопедический словарь. – М., 1993. – С. 162.;
23. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. – М.: МИФИ, 2003.;
24. Мельник И. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. – М., 2002;
25. Мельников М. Прикладная конфликтология для журналистов. – М.: Права человека, 2006.;
26. Московичи С. Век толп. – М., 1996;
27. Нестерова Н.Г. Коммуникативно-прагматическая специфика спонтанного радиодискурса // Вестник Томского гос. ун-та. Серия Филология. -2009. – С. 37-41.
28. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытые спирали молчания. – М., 1996;
29. Ольшанский Д. Основы политической психологии. – Екатеринбург, 2001;
30. Пленков О. Мифы нации против мифов демократии. – СПб., 1997;

31. Почепцов Г.Г. «Информационные войны». – М.: Рефл-бук, - К.: Ваклер, 2000;
32. Расторгуев С.П. «Информационная война». – М: Радио и связь, 1999;
33. Русакова О.Ф. Современные теории дискурса. Опыт классификаций. // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. С. 10-28;
34. Сагатовский В. Социальное проектирование / Прикладная этика и управление нравственным воспитанием. – Томск. 1980. – С.86;
35. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ / Серия «Дискурсология». – Екатеринбург: Дискурс – Пи, 2006. – С. 36-48;
36. Соловьев А. Политология: Политическая теория, политические технологии. – М., 2000;
37. Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики (извлечения) / Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение. 1964. Ч. 1. – С. 340-345;
38. Стеценко Н. М. О соотношении понятий текст медиатекст – медиадискурс. Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63). 2011. № 4. Часть 2. – С. 372-378;
39. Сычева Е.В. К проблемам понимания термина «дискурс»// Молодой ученый, 2011. №3. Т2. – С. 42-46;
40. Терин В. Массовая коммуникация: Социокультурные аспекты политического воздействия. Исследование опыта Запада. – М., 1999;
41. Трахтенберг А. Д. Возможен ли «демократический дискурс»? (к вопросу о дискурсивном анализе массовой коммуникации в современной политической науке). Предисловие к статье Н. Карпентье, Л. Ли, Я.Сервэ // Современные теории дискурса: мультипарадигмальный анализ. – Екатеринбург: Дискурс – Пи, 2006. – С. 61;

42. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2004. С. 33;
43. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. С. 48 – 50.;
44. Цулазе. А. Политические манипуляции, или Покорение толпы. - М.: Книжный дом «Университет», 1999. – С. 144;
45. Чамкин А.С., Системно-социологический взгляд на коммуникационную деятельность: структура процесса и барьеры». – МГПУ, Москва. Журнал. 2011 №3;
46. Чумиков А. Креативные технологии «паблик рилейшнз». – М., 1998. – С.32;
47. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. – М.: Издательство иностранной литературы, 1963;
48. Шерковин Ю. Психологические проблемы массовых информационных процессов. – М., 1973. – С.290;
49. Шилина М. Г. Актуальный медиадискурс: теоретико-методологические аспекты исследований. Теория СМИ и массовой коммуникации. Выпуск № 4. 2011;
50. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. – М., 1960. – С.187;
51. Юрьев А. Выборы глазами политического психолога // Власть.- 1996. - №4. –С.56.
52. Bishop M., and Goldman E.O., «The Strategy and Tactics of Information Warfare» Routledge, part of the Taylor & Francis Group. 2003. – P. 28;
53. Bruce B. Images of power. How the image makers shape our leaders. –London, 1992, Jowett G. O'Donnell. Propaganda and persuasion. –Newbury Park, 1992;
54. Darczewska Jolanta. The Anatomy of Russian Information Warfare. The Crimean Operation. A case study. Warsaw, number 42. May 2014. Centre for Eastern Studies;
55. Dijk T. A. van. Introduction: Discourse Analysis as a New Cross-Discipline // Handbook of Discourse Analysis. – London.: Academic Press, 1985. Vol.1. – P. 1-10;

56. Dörnyei K. Road of Propaganda: The Semantics of Biased Communication. – University of Michigan. Philosophical Library, 2007. – P. 111;
57. Fairclough N. Language and Power. London: Longman, 1989;
58. Fairclough N., Wodak R. Critical Discourse Analysis // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 2. Discourse as Social Interaction / Ed. by Dijk T. van. – London, 1997. – P. 258-284;
59. Howland C. Order of presentation persuasion. New Haven, 1957. Hovland C., Janis I., Doob L., Communication and persuasion. –New Haven, 1953;
60. Kress G. Ideological Structures in Discourse // Handbook of Discourse Analysis. Discourse Analysis in Society. – London: Academic Press, 1985. Vol. 4. – P. 27-42;
61. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy London: Verso, 1985;
62. Laslett P. Philosophy, Politics and Society. Oxford: Basil Blackwell, 1970. – P. 184;
63. Lazarsfeld P.F. On Social Research and its Language. - Chicago, 1993;
64. Molander A., Riddile, P. «Strategic Information Warfare». – National Defense Research Institute RAND, 1996. – P.2;
65. Shannon K., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. Urbana, - Univ. of Illinois Pr., 1949;
66. Torfing, J. Discourse theory: Achievements, arguments, and challenges / In D. Howarth and J. Torfing (eds.) // Discourse Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. – P. 1-32;
67. Wodak R. Critical Discourse Analysis / Discourse as Social Interaction. – London: Sage Publications, 1997. Vol. 2. – P. 197-216;
68. Yule G. Pragmatics. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – P.83.

Источники на электронных носителях

1. «Вторжение продолжается» («The Washington Post», США, 12.08.2008). [Э л е к т р о н н ы й   р е с у р с]. – Р е ж и м   д о с т у п а : <http://inosmi.ru/world/20080812/243150.html>(дата обращения: 01.05.2016);

2. «Демонстрация путинской силы» («The Washington Post», США, 28.09.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/russia/20150928/230506763.html> (дата обращения: 01.05.2016);
3. «Жестокость для наглядности» («The Washington Post», США, 12.08.2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20080812/243156.html> (дата обращения: 01.05.2016);
4. «Может быть, на этот раз Запад увидит истинное лицо Владимира Путина» («The Washington Post», США, 11.08.2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20080811/243107.html> (дата обращения: 01.05.2016);
5. «На фоне зигзагов США набирает обороты ирано-российская операция по спасению Сирии» («Haaretz», Израиль, 08.09.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20150928/230496688.html> (дата обращения: 01.05.2016);
6. «На чьей стороне США в Сирии?» («The Washington Post», США, 02.10.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20151002/230589827.html> (дата обращения: 01.05.2016);
7. «Остановить Россию» («The Washington Post», США, 11.08.2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20080811/243140.html> (дата обращения: 01.05.2016);
8. «Переломный момент для черноморского региона» («The Washington Post», США, 11.08.2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20080811/243118.html> (дата обращения: 01.05.2016);
9. «Почему нельзя допускать Путина к борьбе с ИГИЛ» («The Washington Post», США, 07.10.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20151007/230678125.html> (дата обращения: 01.05.2016);

10. «Путин делает свой ход» («The Washington Post», США, 11.08.2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20080811/243126.html> (дата обращения: 01.05.2016).
11. «Российские военные вряд ли переломят ситуацию в Сирии» («The Washington Post», США, 06.10.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20151006/230654107.html> (дата обращения: 01.05.2016);
12. «США не могут переложить Сирию на Путина» («The Washington Post», США, 01.10.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20151001/230553564.html> (дата обращения: 01.05.2016);
13. Авченко В.О. Теория и практика политических манипуляций в современной России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/polman.html>
14. Альтюссер Л. П. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) [Электронный ресурс] / пер. с фр. С. Б. Рындина // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html>
15. Арутюнян Г. Особенности военного конфликта вокруг Южной осетии // 21-й век. 2008. №2 (8). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-voennogo-konflikta-vokrug-yuzhnoy-osetii> (дата обращения: 01.05.2016);
16. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Методологические грани политической метафорологии // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. № (1)21. С. 22-31. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-07.html> ;
17. Бурдые П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка// Электронный источник: «Отечественные записки». 2005. № 2.

- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1040#s> ;
18. Имброньо С., и Охрименко С. «Информационное противостояние». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.security.ase.md/publ/ru/pubru04.html> ;
19. Кожемякин Е. А. Дискурс-анализ массовой коммуникации. Электронный ресурс. Global media journal. Российское издание. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gmj.sfedu.ru/v2il/v2ilkozhemyakin.html> ;
20. Панарин И., Информационная глобальная война II – Война против России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://propagandahistory.ru/books/Igor-Panarin_SMI--propaganda-i-informatsionnye-voyny/26;
21. Переверзев Е. В. Критика КДА: некоторые ограничения критического дискурс-анализа как научного подхода [Электронный ресурс] // Современный дискурс-анализ. 2009. № 1. Т. 1. С. 31 – 38. – Режим доступа: http://www.discourseanalysis.org/ada1_1.pdf ;
22. Правительство Российской Федерации, «В.В.Путин встретился с членами международного дискуссионного клуба «Валдай», 11.09.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.government.ru/docs/1897/>(дата обращения: 01.05.2016);
23. Российская Газета, «Афганское дежавю», 12.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016);
24. Российская Газета, «Геностыд», 11.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016);
25. Российская Газета, «Госдума: Операция в Сирии - в интересах нашей страны», 30.09.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2015/09/30/operacia-syria-site.html>(дата обращения: 01.05.2016);

26. Российская газета, «Дмитрий Медведев принял решение о завершении операции по принуждению Грузии к миру», 12.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2008/08/12/medvedev-operacia-anons.html> (дата обращения: 01.05.2016);
27. Российская Газета, «Дмитрий Медведев: Цхинвали взят под контроль российскими миротворцами», 01.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2008/08/11/medvedev-chinvali-anons.html>(дата обращения: 01.05.2016);
28. Российская Газета, «Дымовая завеса», 08.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016);
29. Российская Газета, «За минуты до полуночи», 09.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016)
30. Российская Газета, «За Цхинвали», 11.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016);
31. Российская Газета, «Иванов об операции в Сирии: Речь о национальных интересах РФ», 30.09.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2015/09/30/ivanov-anons.html>(дата обращения: 01.05.2016).
32. Российская Газета, «Лавров и Керри обменялись мнениями», 01.10.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2015/10/02.html> (дата обращения: 01.05.2016);
33. Российская Газета, «Матвиенко: «ИГ» необходимо задавить на корню», 30.09.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2015/09/30/matvienko-site.html>(дата обращения: 01.05.2016);
34. Российская Газета, «Медведев: С помощью операции в Сирии мы защищаем россиян», 03.10.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2015/10/03/medvedev-anons.html> (дата обращения: 01.05.2016);

35. Российская Газета, «Мы были максимально терпеливы», 08.08.2008.
[Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016);
36. Российская Газета, «Мы не допустим безнаказанной гибели наших соотечественников», 09.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016);
37. Российская Газета, «Над пропастью из лжи», 09.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016);
38. Российская Газета, «Нужен обмен информацией по Сирии», 01.10.2015.
[Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://rg.ru/gazeta/rg/2015/10/02.html> (дата обращения: 01.05.2016).
39. Российская Газета, «Огнем и мячом», 08.08.2008. [Электронный ресурс].
– Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016);
40. Российская Газета, «Олимпийское беспокойство», 08.08.2008.
[Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016);
41. Российская Газета, «Путин: Нельзя ждать, когда боевики придут в наш дом», 30.09.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://rg.ru/2015/09/30/putin-anons.html>(дата обращения: 01.05.2016);
42. Российская Газета, «Сирия подтвердила, что запрашивала военную помощь у России», 30.09.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://rg.ru/2015/09/30/pomosh-site-anons.html>(дата обращения: 01.05.2016);
43. Российская Газета, «Точно в цель», 03.10.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2015/10/05.html> (дата обращения: 01.05.2016);
44. Российская Газета, «Цхинвал ночных атак», 08.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/gazeta/rg/2008/08/08.html>(дата обращения: 01.05.2016);

45. «Newsru.co.il», «Грузия вывела войска из Южной Осетии», 10.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.co.il/world/10aug2008/georg8008.html> (дата обращения: 01.05.2016);
46. «TV coverage of war» отрывок из видео-интервью, 1972 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://marshallmcluhanspeaks.com/television/1972-tv-coverage-of-war.php>;
47. Haaretz, «2 Israeli Firms Say They Left Georgia Before Fighting», 11.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.haaretz.com/2-israeli-firms-say-they-left-georgia-before-fighting-1.251540>(дата обращения: 01.05.2016);
48. Haaretz, «Keeping an Eye on Russia, and Investments», 11.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.haaretz.com/print-edition/business/keeping-an-eye-on-russia-and-investments-1.251490> (дата обращения: 01.05.2016);
49. Hutchinson W and Warren M.. Information Warfare: Corporate Attack and Defence in a Digital World. Taylor and Francis. 2001. [Electronic resource]. URL: <http://common.books24x7.com/toc.aspx?bookid=28109> ;
50. Official Statements on Russia-Georgia Conflict. Mikhail Saakashvilli and Mikhail Gorbachev - SRAS - The School of Russian and Asian Studies, 11.09.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sras.org/statements_on_russia_georgia_conflict_3. (дата обращения: 01.05.2016);
51. The New York Times, « Georgia and Russia Nearing All-Out War », 10.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2008/08/10/world/europe/10georgia.html> ;
52. The New York Times, «In Georgia Clash, a Lesson on U.S. Need for Russia», 09.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

- <http://www.nytimes.com/2008/08/10/world/europe/10diplo.html>(дата обращения: 01.05.2016);
53. The New York Times, «In Georgia Clash, a Lesson on U.S. Need for Russia», 09.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2008/08/10/world/europe/10diplo.html>(дата обращения: 01.05.2016);
54. The New York Times, «Russia’s War of Ambition», 12.08.2008. [Электронный ресурс];
– Режим доступа:<http://www.nytimes.com/2008/08/12/opinion/12tue1.html> (дата обращения: 01.05.2016);
55. Williams A.H.P., Information Warfare. Time for a redefinition. Edith Cowan University, 2010. [Electronic resource]. URL: <http://ro.ecu.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1036&context=isw> .